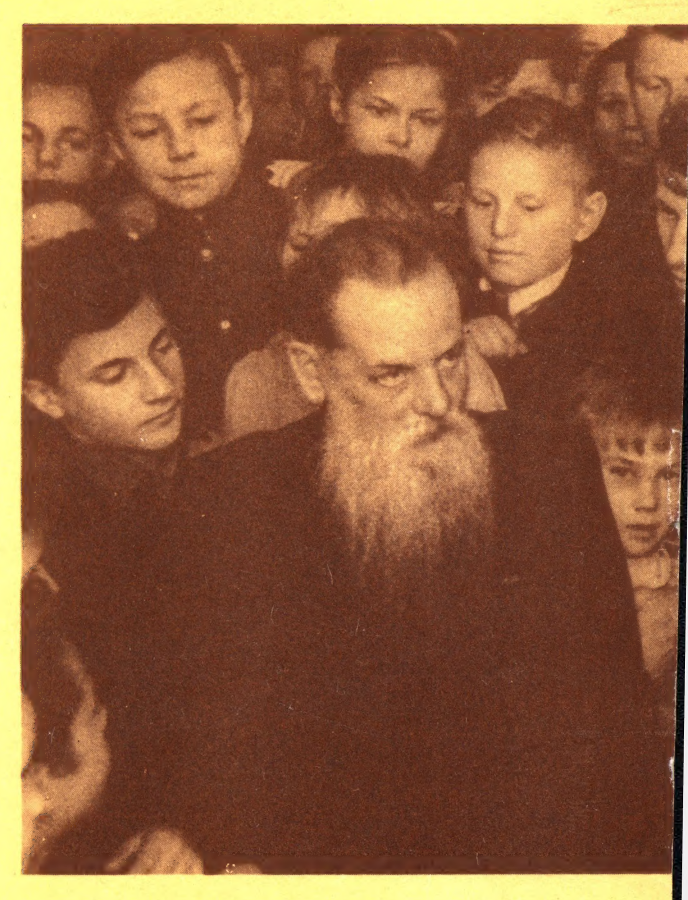
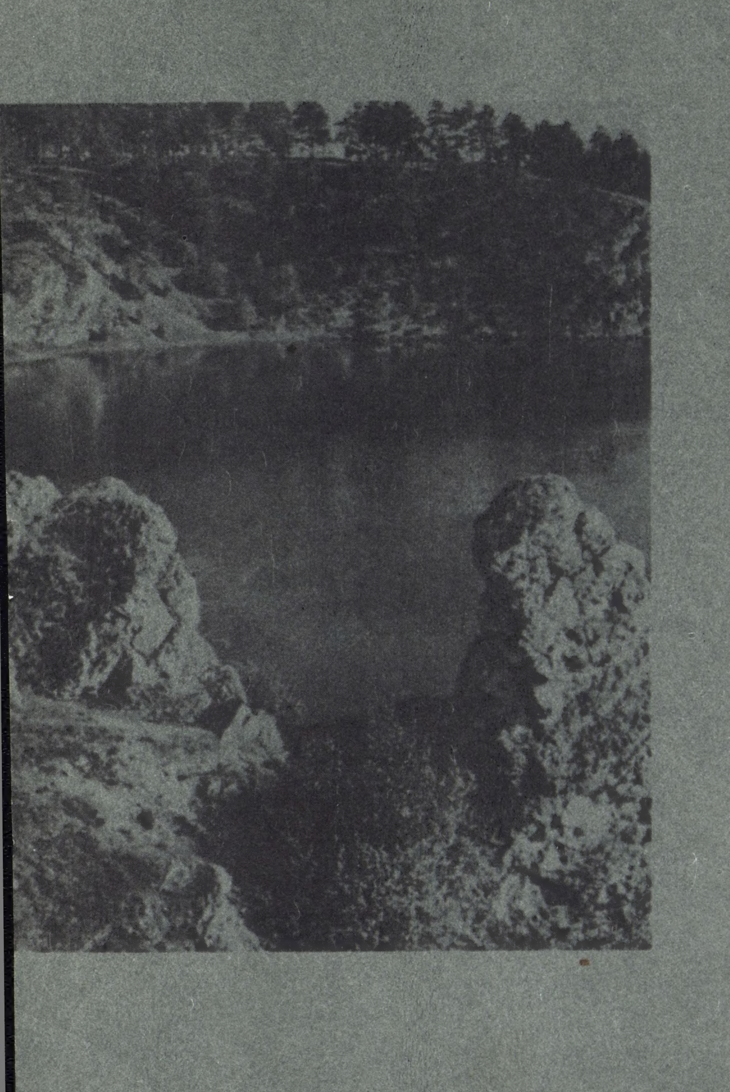
Елена Хоринская

Наш Бажов

К 60-летию нашей славной пионерии — эта книга о замечательном уральском писателе. Павел Петрович очень любил детей, особенно пионеров — пытливых, смелых, трудолюбивых и честных ребят.

Елена
Хоринская

Наш Бажов

Свердловск
Средне-
Уральское книжное
издательство

1982

84Р7
Х79

Для среднего школьного возраста

Х $\frac{70803-092}{М158(03)-82}$ 4803010102

© Средне-Уральское книжное издательство, 1982

ДОМИК ПИСАТЕЛЯ

Недалёко от Исети —
Старый дом и сад густой.
Там шумит весенний ветер
Беспокойною листвой.

Облаков пушистых гребни
Проплывают стороной.
В этом доме жил волшебник —
Мудрый сказочник седой...

След Копытца серебрится,
Вьется змейкою в ночи,
Огневушкою кружится
Пламя жаркое в печи,
Ящерки мелькнули разом,
Встал Данила над цветком...
И шкатулкой, полной сказов,
Кажется бажовский дом.

А из сада гомон птичий,
Ветви тянутся к лучам.
Есть еще такой обычай
У ребят у свердловчан:
Каждою весною новой
Тихо входят на крыльцо —
Попросить в саду Бажова
Маленькое деревцо.

И посадят возле школы
Всем лихим ветрам назло,
Чтобы крепким и веселым
Это дерево росло.

И шумит листвой рябинка,
Зеленеет каждый год...
...К дому этому тропинка
Никогда не зарастет...

В ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Над Свердловском опускается вечер. В небе он рассыпает звезды, а в городе зажигает огни — голубые, синие, красные, зеленые — сотни, тысячи, десятки тысяч. Высоко в небе горят цветные огни телевизионной вышки. А может, это совсем не огни, а рассыпанные лепестки чудесного каменного цветка, который расцветает по ночам над городом?

А может, выходит по ночам тот волшебный козлик, у которого на правой передней ноге серебряное копытце. Где топнет он этим копытцем, там и вылетит из земли дорогой камень. Сколько раз топнет, столько и камней. Целая груда досталась большому красивому дому на горе. Смотрите, смотрите, сколько сверкающих камушков из-под серебряного копытца нападало в окна!

И теперь они светятся так ярко, что видно далеко-далеко, даже, наверно, за тысячу верст. А если будет очень-очень тихо, то можно услышать и песни, и звонкие ребячьи голоса, которые доносятся из этого дома. В нем тысячи хозяев и тысячи гостей. Вот почему это такой веселый и такой хороший дом. Его получили ребята в подарок к двадцатилетию Советской власти, в 1937 году. И стал он называться Дворцом пионеров.

Из окон Дворца открывается чудесный вид на город, на светлый пруд, на синие отроги Уральских гор. Перед домом сквер. Летом среди цветущих акаций бьет фонтан и большие чугунные лягушки с любопытством смотрят на его брызги. Но это все летом. А сейчас зима. Снегом, как белой шубой, укутаны ели старинного парка. В глубокие сугробы запрятались лягушки. Даже им, чу-

гунным, и то холодно — вот какой мороз. И ветер сегодня злющий-презлющий: воет, свистит, снегом в окна швыряет. Только ребята нисколечко его не боятся, бегут прямо к своему дому, залитому огнями. Скорей, скорей! Быстро пробегают мимо гипсовых пионеров-трубачей у входа, распахивают дверь и — как здесь тепло, светло, уютно!..

— Здравствуйте, ребята! Ох, какие вы холодные, сколько снега на вас! Наверно, далеко живете?

— На проспекте Ленина!

— На Уралмаше!

— На Химмаше!

— На Эльмаше!

— На улице Куйбышева!

— На улице Бажова!

И входят ребята, живущие на бажовской улице, в бажовскую комнату Дворца пионеров. Быстро рассаживаются на пушистом ковре, на низких стульях.

Я вижу перед собой десятки внимательных глаз. И мне очень хочется рассказать о Бажове все. Все, что я знаю...

МАЛЬЧИК ИЗ СЫСЕРТИ

Жил в Сысертском заводе рабочий Петр Васильевич Бажов с женой Августой Степановной. 28 января 1879 года у них родился сын. Мальчика назвали Павлом.

Петр Васильевич работал на заводе в пудлинговом цехе, где из чугуна вырабатывали особое железо. Железо это тогда очень ценилось, и в таких цехах держали самых опытных и умелых мастеров. Петр Васильевич происходил из рабочего рода, в котором несколько поколений были горнозаводскими мастерами. Его отец (дед писателя) Василий Александрович был еще крепостным.

Всю жизнь проработал он у медеплавильных печей на хозяйских заводах.

Тяжело жилось работным людям в ту далекую страшную пору. Их заставляли работать в самых нечеловеческих условиях, били, морили голодом, приковывали на цепи, всячески издевались. Дедушка Платон из повести Бажова «Дальнее-близкое» говорит: «Солдатское житье

супротив нашего — вроде разгулки. Потому солдат не каждый день кровь проливает, а на заводе чуть что — ложись! Так исполосуют, еле жив останешься».

Бабушка Бажова, Авдотья Петровна, тоже была крепостной. Самодуры-хозяева в те времена завели дикий обычай: каждый год осенью отнимали у родителей дочерей, совсем молоденьких девушек, и насильно, под охраной стражников, отправляли из Сысерти в Полевское. Там их выдавали замуж за кого вздумается. Эту участь испытала на себе и Авдотья Петровна.

Не любила она рассказывать о той беде, о той «слезной дороженьке, которая вся девичьими слезами полита».

Хорошо еще, что достался ей добрый человек — крепостной мастер Василий Бажов, который ее не обижал, и жили они дружно. Но привыкнуть к чужому месту она не могла, тянуло домой, к своим. И как только отменили крепостное право, вернулась она с мужем и всей семьей обратно в Сысерть. Может быть, потому так протестовала потом бабушка Авдотья Петровна против отправки внука в город: уж кто-кто, а она знала, что значит расставание со своим родным домом!

Отец писателя, Петр Васильевич Бажов, отслужил в солдатах и во время «солдатчины» повидал много разных городов, многое понял. Правду любил, спину ни перед кем не гнул, да еще был остер на язык. Понятно, что начальство его не жаловало. Метким, острым словом он мог так высмеять заводских «сударей» да «присударей», что те готовы были сквозь землю провалиться. А народ смеялся: «Вон в кричном он Балаболку-то осадил: хоть стой, хоть падай!»

Не зря дали ему прозвище — Сверло.

Непокорный нрав и острый язык часто доводили Петра Васильевича до увольнения. «К расчету!» — объявлял мастеру надзиратель.

Частые увольнения отца «за бунтарство» вызывали переезды семьи с места на место, с завода на завод. Это были первые путешествия Паши Бажова. Продолжались они и потом, в годы его учения.

Именно об этом говорится в сохранившемся письме матери, Августы Степановны, которая через много лет писала сыну:

«Здравствуй, Паша!

Желаю быть здоровым и всего хорошего. Мы, слава богу, здоровы. На Верхнем живем уже две недели в доме,

где жил Павел Васильевич, а они переехали в Сысерть, в Церковную улицу, в дом Кадочникова. Жалованье отцу пока то же до рождества. Перевозку приняли на казенный счет. Просил управляющего Зырянова, чтобы перевели отца на Верхний, хотят строить новую машину катать проволоку, должно быть, потому, что боятся послать новенького,— все перемешают».

Несмотря на золотые руки отца, жить приходилось и в нужде, и в тяжелой работе, и в заботах... Но семья была дружная. Отец и мать горячо любили единственного сына, старались, чтобы детство его было более радостным, чем у них. Особенно заботилась об этом мать, Августа Степановна. Сама она хорошо помнила свое горькое сиротство, как росла без родителей, как с утра до поздней ночи работала на чужих людей. Совсем маленькой отдали ее в вязальную мастерскую. Способная девочка стала искусной вязальщицей-кружевницей. Даже грамоте сумела обучиться. Была она умной, ласковой.

Для сына Августа Степановна стала самым близким другом.

Мальчик рос смышленым — ну как такого не выучить? Но и учить было нелегко... Три года ходил он в начальную заводскую школу у себя в Сысерти. Учился хорошо, на пятерки. Повезло маленькому Паше: его первый учитель, Александр Осипович, был прекрасным человеком. В «прихвостнях» у заводского начальства он не ходил, рабочие его уважали. Отец Бажова, Петр Васильевич, говорил о нем так: «Наш-то Александр Осипович из таких... за народ которые».

Заводскую школу Паша окончил хорошо. А что дальше? Трудно, почти невозможно было в то время получить образование парнишке из рабочей семьи. Во многие школы детей рабочих не принимали. Больших трудов стоило родителям Бажова устроить Пашу учиться.

Помог случай.

Однажды к Бажовым заехал их близкий знакомый, ветеринарный врач Николай Семенович Смородинцев. Это был хороший человек. Он не гнушался дружбой с простыми людьми, которые любили его и между собой звали попросту Чернобородым. Петра Васильевича Бажова Смородинцев особенно уважал, любил потолковать с ним.

На этот раз, после того как напились чаю, поговорили о всяких делах, отец подозвал Пашу.

— А ну-ка, милый сын, почитай нам стихотворения. Пусть Николай Семенович послушает!

Мальчик не заставил себя уговаривать.

Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! Садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славный путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош...

Громко, без запинки читал он наизусть одно за другим стихи Некрасова. Гость был поражен замечательной памятью мальчика, его способностями и решительно сказал родителям, что сына необходимо учить, что он обещает ему помочь.

И, задумчиво улыбаясь, повторил:

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Так неожиданно решилась судьба сысертского мальчика.

Он будет учиться в городе.

Правильные слова говорил, провожая внука в дорогу, старый дед:

— Гляди, учись порядком! Слушай, что учителя говорят. Не шали! Наше дело — не барское. С потовой копейки учить тебя отец с матерью собираются. Ты это помни.

Именно с «потовой копейки», то есть на деньги, заработанные потом, тяжелым изнурительным трудом, могли родители учить сына.

Осенью 1889 года десятилетнего мальчика увозят в город, то есть в Екатеринбург (так назывался тогда Свердловск). Что знали о городе заводские ребята? Не-

много. Знали, что до города сорок семь верст, что туда увозят железо — выработку завода, что есть там «железный круг», где сдается железо, и таинственная «чугунка» — железная дорога. Но никто этого своими глазами не видал. А отец на вопрос о городе отвечал так:

— На другие города наш не походит. Он вроде самого главного завода. На железе родился, железом опоясался и железом кормится.

Отъезд сына Бажовых в город был большим событием для всех заводских ребят. Накануне собрались они в последний раз. Это были «прощальные игры».

Потом Паша долго сидел и разговаривал со своими «заединщиками».

— Первым делом чугунку погляди и железный круг тоже. Потом расскажешь,— говорили ему на прощание друзья.

Утром они пришли снова, чтобы проводить своего дружка. Уже все было готово. Во дворе стояла запряженная дедушкина лошадь, и в телегу укладывали корзину с дорожной едой, мешок овса для лошади да небольшой мешочек с имуществом мальчика.

Паша торопливо выбежал за ворота к ребятам. Теперь уже некогда было разговаривать. Он распрощался с ними «за ручку» и услышал последний наказ:

— Замечай в городе-то, как там...

В ГОРОДЕ

Дорога оказалась длинной, но интересной. Старый дедушкин Чалко резвостью не отличался. Паша уговорил отца разрешить ему самому править лошадью, а это оказалось совсем не легко. Приходилось и объезжать обозы, и успевать сворачивать от встречных подвод. Иногда проносились тройки, звеня колокольцами.

Чуть зазеваешься, уже кричат:

— Эй, малец! В которую сторону глядишь?

Чем ближе подъезжали к городу, тем оживленнее становился тракт.

И вот наконец этот долгожданный, неведомый город. Въехали с той стороны, где теперь улица Фрунзе. Тогда она называлась Второй Загородной и состояла из одного

ряда домов, выходивших окнами прямо на выгон. Там, где сейчас трамвайный парк, инструментальный завод, магазины и корпуса многоэтажных домов, на истоптанной пыльной поляне паслись козы и телята.

Но сысертский парнишка не замечал ни пыли, ни коз. Он видел впереди блестящие купола, большие дома с колоннами, тротуары из широких плит и все больше восхищался:

— Вот это улицы!! Вот это дома! Кто только живет в них?

Как бы в ответ на этот вопрос раздался повелительный окрик: «Эй, берегись!»

И из ворот одного из каменных домов с круглыми колоннами вылетел легкий экипаж. На козлах — нарядный кучер, а на сиденье — толстый барин.

— Кто это?

— Откуда мне знать? — отвечал отец.— Может, хозяин этого дома. Может, в гости какой приезжал. Много их, таких-то, жируют тут.

Город встретил приехавших не очень любезно. Мальчик был хорошо воспитан в своей рабочей семье, он знал, что со старшими следует здороваться, знал все заводские обычаи — кого, где и как приветствовать: встретив человека на дороге, нужно сказать — «мир в дороге»; увидишь, что люди сели отдохнуть или перекусить, должен сказать — «мир на стану». Ну, а если просто разговаривают, так надо и говорить — «мир в беседе». Мальчик не забывал этого обычая и всю дорогу вежливо здоровался со всеми встречными.

А один городской щеголь в ответ на приветствие насмешливо крикнул:

— Здравствуй, молодец! Поклонись от меня березовому пню да сосновому помелу, а дальше — как придумаешь! — и захохотал.

С обидой и удивлением обернулся к отцу Паша. А отец только посмеивается:

— Научил тебя городской, кому кланяться? То-то и есть. Тут, брат, всякому кланяться — шапку скоро сносишь. Да и не стоит; потому — половина жулья. Этот вот, может, на гулянье едет, чтоб кого облапошить. А тоже вырядился! Извозчика легкового нанял. Знай наших!

Позже маленький Бажов пригляделся к городу и стал сам разбираться, что к чему. И прежде всего, конечно, он понял, что далеко не все городские живут в богатых

каменных домах с колоннами,— он видел и покосившиеся домишки, и «работную избу» на углу Архиерейской и Болотной, как раз на том месте, где потом был построен дом, в котором многие годы жил писатель. Мальчик понял, что живут в домах-дворцах и катаются в затейливо выгнутых экипажах только богачи, а рабочему люду и здесь живется не лучше, чем у них в Сысерти. Особенно твердо он убедился в этом, побывав с мамой у ее «сведенной» сестры, которая жила в городе. Муж ее был печатником — «сам печатал книги и газеты». «Вот хорошо-то познакомиться с таким человеком, — думал Паша,— книг-то у него небось сколько!» Но каково же было его удивление и разочарование, когда оказалось, что у печатника нет ни одной книги, когда он увидел, как живут их городские родственники: «Во дворе было два флигеля: один двухэтажный, другой хуже нашей бани, как я определил для себя. В нем-то и жили те, кого мы искали. Мне это показалось мало похожим на правду. Еще непонятнее была та кричащая бедность, которую мы увидели внутри хибарки. Изможденная, с лихорадочным блеском в глазах женщина стояла у стола и коротким сапожным ножом резала разноцветную бумагу. На полу двое малышей играли обрезками бумаги, а третий, совсем еще маленький, спал в зыбке. Увидев маму, женщина бросила нож и заплакала. «Как это ты надоумилась? — быстро и взволнованно говорила она.— Все меня позабыли. Бывают ведь, а никто не заглянет. Погляди-ка, погляди на наше городское житье».

Паше стало очень грустно, и он обрадовался, когда выбрались из темной убогой избенки. А когда мама, горько плача, рассказывала отцу о встрече с сестрой, о ее тяжком житье и смертельной болезни, отец угрюмо сказал:

— Что поделаешь, не одну ее город съел.

Пашу удалось устроить в духовное училище. Здесь была более дешевая плата за учение, не требовалось форменной одежды и имелось общежитие, за которое тоже платили недорого. Училище являлось средней школой для сыновей служителей церкви. Посторонних, а особенно «простых смертных», детей рабочих, принимали неохотно. Тут помог Смородинцев — сдержал обещание. К стыду некоторых оболтусов из духовных семей, посту-

павших вместе с Бажовым, мальчик из Сысерти экзамены сдал блестяще. Читал он бойко, задачку решил «со стуком», молитвы и заповеди «рассыпал горошком». Даже в трудных грамматических правилах того времени он разбирался свободно, хотя это было совсем нелегко. Во-первых, существовали две буквы «и»; «и» простое называлось восьмеричным, а «і» («и» с точкой) — десятеричным. Попробуй запомни, где писать то, где другое. Да еще в некоторых случаях одно и то же слово писалось по-разному, в зависимости от смысла. Например, слово «мир»: если это слово выражало спокойствие, то писалось «мир», если же мир означало вселенную, весь свет, то следовало писать «мір».

Знакомое сегодня всем выражение тогда писалось бы так: «Мир во всем міре». А твердый знак (ъ), который ставился во всех словах мужского рода, оканчивающихся на согласную!

Но больше всего неприятностей ребятам доставляла буква «ять». Эта противная буква даже во сне им снилась. Гимназисты про нее пели:

Кто не знает букву «ять»,
Букву «ять», букву «ять»?
Где и как ее писать,
Как писать, как писать?

Но даже эта коварная «ять» не смогла подвести Пашу Бажова, который отлично сдал все экзамены. Главному экзаменатору ничего не оставалось делать, как сказать:

— Хорошо. Принят. Завтра приходи на уроки к девяти часам.

И, повернувшись к другим членам комиссии, пояснил:

— Отец у него простой рабочий.

Ох, как обидно стало мальчику! «Инспектор, а не понимает! — подумал он. — Какой же простой, коли тятя с Ильей Гордеичем — самолучшие мастера! По всему заводу! А по сварке и вовсе никто против него не выстоит».

Но мало ли еще обид ожидало сысертского мальчика в большом неласковом городе. Недаром бабушка, провожая его из дома, причитала:

— Легкое ли дело из своего места в чужие люди ехать, да еще в эдакое страховитое! Я вот восьмой десяток считаю, а в городе только два раза была. Натерпе-

лась страху-то. А тут на-ко, что придумали. Десятилетка одного в городе оставить!

Но мальчик был упорным, настойчивым, держался твердо. Одиночество свое переносил мужественно, не ныл, не жаловался, нос не вешал. Когда приходилось трудно, вспоминал слова отца: «Коли за какое дело берешься, так о нем и думай!»

А потом стали появляться друзья. Паша скоро понял, что дружить с избалованными маменькиными сынками, белоручками да хвастунами — дело неподходящее. Только подведут. Да и зачем ему такие, когда можно подружиться с хорошими заводскими ребятами, верными «заединщиками».

А «заединщики» — это не просто знакомые ребята или друзья по школе, это серьезнее. Сам Павел Петрович Бажов так объясняет слово «заединщина»:

«Это не то же, что школьная дружба, и это явление не городское и не сельское, а именно заводское, своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых выражалось понятием «наша смена», «человек нашей смены».

Такая дружба на долгие годы.

Убедился Паша и в том, что хороших людей больше, чем плохих, что правда рано или поздно всегда восторжествует.

Появился у него дружок — мальчик с Верх-Исетского завода. А самое главное, сдружился он с умным, веселым и добрым стариком, жившим по соседству, мелким чиновником Полиевктом Егорычем. Это он по поводу несправедливой обиды, которую однажды нанесли мальчику, нашел самые простые и нужные слова:

— А ты не сердись, то ли еще на веку будет. На всякий пустяк сердиться — духу не хватит.

Это он рассказывал мальчику страшные истории о первых уральских заводах.

— А ты не сомневайся, сысертский,— говорил он.— Давнее дело. Близко двухсот лет с той поры прошло. Нашего города и в помине не было, и других заводов по нашим местам не значилось. Лесу за столько годов много нарастет, а вода — дай ей волю — что хочешь замоет. То и кажется, что никто здесь не живал, а по документам на другое выходит. Были тут люди, да еще какие люди! Первый заводчик назывался Ларион Игнатьев. Он из небогатых, видать. Руду нашел, а обзаводиться

стал на чужие деньги — московского купца Болотова. Потом этот купец прижал Лариона. Завод на себя перевел, а этого перводобытчика с женой, с ребятами за долг «взажив взял».

— Как это «взажив»?

— Закрепостил, значит.

Широко открыв глаза, слушал мальчик жуткую повесть. Многие из этих рассказов остались у него в памяти. Но особенно часто в жизни по разным поводам приходилось вспоминать мудрые слова этого старика:

— Ох, и твердый у нас народушко! Ох, и твердый! К чему прильнет, никак его не оторвешь и ничем не испугаешь. Возьми хоть этого Игнатьева, которого купец «взажив взял» за долги. Думаешь, нельзя было ему уйти из такого глухого места? Да сделай милость, в любую сторону. А он, небось, до конца сидел, потому своего добиться хотел. Прямо сказать, въедливый народ. И терпеливый тож. Развяжи-ка такому руки, так он тебе на этом же месте такое сгрохает, что по всему миру отдачу даст. Ты это попомни, сысертский.

Первое время Паша Бажов жил в доме Николая Семеновича Смородинцева, а потом перешел на так называемую «ученическую квартиру», где жили девять мальчиков разного возраста. Позже он попал в настоящее общежитие духовного училища — в точно такую же бурсу, о какой рассказал писатель Помяловский.

Здесь, на «ученической квартире», царил суровый казенный режим. Нелегко было к нему привыкнуть. Бажов уже успел почувствовать и понять, что значит жить «со своими» и «не со своими». Мальчику из доброй и дружной рабочей семьи было особенно трудно свыкнуться со строгими казенными порядками. Вернувшись после уроков, например, ученики не могли без специального разрешительного билета уйти из квартиры. Нельзя было даже просто выйти за ворота. Это строго наказывалось. С пяти до десяти часов вечера шли «вечерние занятия», причем в первые два часа занятий строго запрещалось даже читать посторонние книги: полагалось сидеть над учебниками, если даже все уроки ты давно приготовил.

Много неприятностей ученикам доставляли бесконечные проверки. Надзиратели училища проверяли, как ведут себя ребята. Они приходили не только днем, но даже ночью, когда все спали крепким сном.

Кроме учителей и надзирателей «ученические квартиры» посещал и сам инспектор. Ученики его боялись и порядком ненавидели, но была у него одна черта, за которую многое прощали. Он любил книги и часто устраивал громкие читки. Когда всех учеников перевели из квартир в общежитие, такие вечерние чтения проводились после ужина в зале. Чаще всего читались книги классиков: «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Севастопольские рассказы» Толстого, рассказы Куприна. Особенно жадно ловил каждое слово мальчик из Сысерти.

В 1892 году семья Бажовых переехала в Полевской завод. Именно здесь, в Полевском-то, и встретился Паша Бажов с Василием Алексеевичем Хмелининым (знаменитым дедушкой Слышко) и впервые слушал его сказы...

Чудесным было то памятное лето, светлые дни каникул! А зимой — снова учеба, чужие люди, строгий режим общежития.

А дни бежали и бежали...

И вот весной 1893 года Павел Бажов отлично заканчивает училище и его посылают учиться в Пермскую духовную семинарию.

Прощай, Екатеринбург, здравствуй, город Пермь!

ЮНОСТЬ

Юный Бажов был просто счастлив, что сможет продолжать учебу. Конечно, не в духовной семинарии хотелось бы ему учиться. Но другого выхода нет. Это все-таки полная средняя школа, пусть специальная, духовная, готовящая служителей церкви. Он-то в церкви служить не собирается. Вспомнился давний разговор с первым екатеринбургским дружком, верхисетским парнишкой, еще когда начинал учиться в духовном училище:

— В попы метишь? — удивился Миша.— Кутейка, балалайка, соломенная струна? Ныне, присно и во веки веков?

Уже тогда, еще совсем маленький, Паша сразу опроверг такое обидное для него заключение.

Действительно, сначала в духовном, потом в семи-

нарии учились многие люди, не ставшие попами,— и его дорогой первый учитель Александр Осипович, и его екатеринбургский «шеф» Смородинцев.

Потом он узнал, что раньше в этой же семинарии учились и изобретатель радио Попов, и писатель Мамин-Сибиряк.

Пермь. Новый город, новые люди. Впервые увидел он большую многоводную реку — красавицу Каму. Подолгу стоял и задумчиво смотрел на волны, на уходящие пароходы. Кама-Камушка... Он уже совсем не тот наивный мальчик из Сысерти, которого несколько лет назад привезли в город. Теперь это умный, не по годам развитой подросток, который успел кое о чем подумать, кое в чем разобраться...

Он принимал участие в выступлениях семинаристов против бесправия и несправедливости, участвовал в тайных маевках, хотя это было очень опасно. Маевки устраивались за Камой. Туда в любое время могла нагрянуть полиция, и тогда не сносить головы. Несколько лет тому назад исключили «за бунтарство» почти половину четвертого класса семинарии. Исключенных потом никуда не принимали. Будущее многих из них стало очень печальным.

Бажов знал об участи своих старших товарищей, но это его не останавливало.

Режим в семинарии был еще строже, чем в училище. Семинаристам строго-настрого запрещалось читать книги таких писателей, как Диккенс и Щедрин, Байрон и Некрасов, Решетников и, конечно, Помяловский. Еще бы! Ведь именно Помяловский со всей беспощадностью разоблачил весь ужас старой бурсы. Но семинаристы эти книги все-таки читали. Они создали свою тайную библиотеку, где были не только эти авторы, но и Белинский и Чернышевский, была революционная литература и даже произведения Маркса и Энгельса. Выдавались такие книги, конечно, самым надежным и верным ребятам. Но кто же хранил запрещенные книги? Этим подпольным библиотекарем бессменно целых три года был Бажов. А ведь это тоже был большой риск!

От родителей он получал добрые, ласковые письма: «Паша, ты, пожалуйста, береги здоровье, не студись, теперь погода хуже зимней. Новостей никаких нет. Будь здоров. Твоя любящая мама». На конверте этого письма

пометка: «Денежное». Письмо писала мама, а приписку сделал отец:

«Здравствуй, Паша! При сем посылаем денег 2 (два) руб. Будь здоров. Твой Петр Бажов».

Но в 1896 году отец умер. Не стало хорошего рабочего человека, мастера с золотыми руками Петра Васильевича Бажова...

А Павел должен еще долгих три года учиться в семинарии. Он по-прежнему старателен и трудолюбив. И время идет быстро.

Вот и 1899 год! Окончена семинария... Какая радость вырваться из ее мрачных стен навстречу жизни, счастью, мечтам! Он ведь старался, учился хорошо и окончил семинарию по первому разряду. Значит, его заветная мечта осуществится — он будет учиться в университете. А как жить? Где средства? Ничего, он станет грузить дрова, летом плавить лес, делать что угодно, только бы учиться. Он ведь и семинаристом подрабатывал. Отец болел почти целый год, потом умер, и парню последние три года пришлось самому содержать себя и помогать маме.

Он занимался с отстающими учениками, выполнял поручения от газет. Он не боится работы. Нет, он поступит, поступит в университет!

Но не тут-то было... Как раз потому, что Павел Бажов отлично окончил семинарию, ему предложили учиться дальше, даже стипендию обещали. Но направляли его в духовную академию! Церковники не хотели выпустить из своих цепких лап способного молодого человека, он им был нужен. Хотели сделать из него духовного деятеля, который будет укреплять веру в бога и царя, защищать незыблемость царского строя, интересы богатых. Он получит стипендию, поедет учиться дальше — разве можно отказаться от такого выгодного предложения?! А он отказался... Какая дерзость! Как он смел! Ах, он хочет в университет! Ну уж нет, голубчик, после такого дерзкого отказа университета тебе не видать!

Сразу поступать в университет нельзя: он должен отработать три года учителем. Бажов, как один из лучших выпускников семинарии, имел право работать в духовном училище, но ему хотелось учительствовать в деревенской школе. Деревня Шайдуриха, возле Невьянска, вполне его устраивала. Там жили старообрядцы-

раскольники, которые придерживались своей старой веры. Молодой учитель хотел обучать их детей грамоте, просвещать, постепенно найти путь к их сердцам. Но инспектор придерживался другого мнения: он потребовал, чтобы Бажов насильно учил старообрядцев закону божьему, заставлял менять веру и обычаи. Павел Петрович вынужден был отказаться от работы и уехать в Екатеринбург.

Он стал учителем русского языка и литературы в том самом духовном училище, где учился сам. Так началась его трудовая жизнь.

Взял к себе маму — Августу Степановну — и вместе с нею стал жить на окраине города в маленьком домике.

ПУТЬ ВЫБРАН

Прошли три года учительства. Павел Петрович с нетерпением ждал этого, чтобы осуществить свою мечту — поступить в Томский университет. Но духовное начальство не забыло дерзкого отказа семинариста стать церковнослужителем, а может быть, дозналось о его участии в студенческих выступлениях и о подпольной библиотеке и добилось того, что ему в приеме в университет отказали. Не разрешили даже стать вольнослушателем. Дело в том, что на его отличном аттестате написали всего три слова: «Характеристика по запросу». Это было своеобразным условным знаком, обозначавшим, что человек он неблагонадежный и принимать его не следует. Эти три слова закрыли перед ним дверь в университет.

Вот тебе и «будешь в университете, сон свершится наяву...» Не свершился. А так хотелось учиться дальше...

Павел Петрович продолжал преподавать русский язык и литературу. Зимой — уроки, неприютные стены училища, подозрительные взгляды начальства, но зато летом...

Летние каникулы — какое это чудесное время! Из мрачных классов училища, из пыльного Екатеринбурга он вырывается на простор, как с добрыми приятелями встречается с горами и озерами родного края.

«Здравствуй, гора Хрустальная! Здравствуй, красавица Чусовая!»

Но не только к ним стремится Бажов. У него уже много друзей, добрых знакомых в рабочих поселках, голосистых деревенских запевал, знающих столько народных уральских песен, то бесшабашно-веселых, то хватающих за сердце своей вековой печалью.

Ох, и дотошный этот екатеринбургский учитель! Все-то ему надо знать, все-то он записывает: то песню хорошую, то бывальщину занятную, то словцо меткое. И люди охотно, доверчиво открывались ему, потому что видели в этом молодом учителе не любопытствующего горожанина, не стороннего наблюдателя, а человека, живо откликавшегося на все их беды и горести. А уж горя, бесправия, нужды повидал Бажов в своих странствиях немало. Тем яснее видится ему его будущая дорога. Нужно бороться против угнетателей, бороться за счастье и светлую долю людей.

Исторический 1905 год в России начался страшным событием — расстрелом петербургских рабочих, которые шли к царю с жалобой на свою тяжелую жизнь. В рядах вместе с рабочими шагали их жены, старики и дети. Шли просить у царя хлеба, а получили пули и казацкие плети. «Кровавым воскресеньем» назвали люди день 9 января. Он всколыхнул всю страну.

Это было началом первой русской революции.

Гневом встретили рабочие весть о кровавой расправе. И не только рабочие: весь народ России был потрясен, взволнован, возмущен. В маленьком домике на окраине Екатеринбурга всю ночь проходил из угла в угол учитель Бажов. Ему представлялись убитые дети и женщины там, возле царского дворца, и его сердце вдруг наполнила жгучая ненависть к царю.

В стране начался подъем революционного движения. Залпы, прогремевшие в Петербурге на Дворцовой площади, донеслись и до Урала. Начались забастовки. Восставали рабочие в Перми, Чусовой, Лысьве... Разгоралась борьба в Надеждинске, Алапаевске... В Екатеринбурге в мае состоялась такая мощная демонстрация, которая перепугала полицию. На заводах ковали пики, кинжалы, рабочие запасались оружием.

Около пяти месяцев продолжалась забастовка на Сысертском заводе. Забастовщикам угрожали, вызывали казаков, но рабочие не сдавались и не отступали от своих требований.

Бажов в это время спешит туда, на свою родину,

чтобы помочь рабочим. Через много лет он описал эти события в очерке «К расчету». Впоследствии он вспоминал: «В 1905 году при общем революционном подъеме тоже активизировался, принимал участие в протестах главным образом по вопросам школы».

В Екатеринбурге Бажов бывал на рабочих собраниях и митингах. На одном из таких митингов в музыкальном зале Маклецкого, там, где сейчас музыкальное училище им. Чайковского, он увидел товарища Андрея — Я. М. Свердлова. Бажов много слышал об этом необыкновенно волевом и энергичном человеке, который, едва приехав на Урал, сумел завоевать огромный авторитет среди рабочих, организовать и перестроить революционную работу. Он слышал о Свердлове как о замечательном ораторе. Свердлов представлялся ему высоким, широкоплечим богатырем. И вдруг он увидел молодого, стройного, очень подвижного человека среднего роста, с черными волнистыми волосами и живыми темными глазами, которые смотрели на людей пристально и ласково. «Так вот он какой, этот товарищ Андрей,— вожак рабочих, руководитель уральских большевиков!»

Свердлов появился на трибуне, и зал разразился аплодисментами. Его слушали напряженно, внимательно, в полной тишине. Бажов сидел, боясь пошевелиться. «Как важно,— думал он,— научиться говорить именно так горячо, искренне и убежденно, вдохновлять людей, покорять их сердца».

Вернувшись с митинга, Бажов долго не мог успокоиться. Ему все еще слышался сильный красивый голос товарища Андрея, его страстная зажигательная речь. А его смелость, находчивость, молодой задор! Недаром так любили товарища Андрея рабочие. Теперь стал вполне понятен тот случай в городском театре, о котором многие рассказывали, захлебываясь от восторга. В конце ноября противники большевиков — эсеры захватили театр и организовали там митинг. Выдвинули своего председателя. Но едва успели его назвать, как зал загрохотал — это дружно поднялись заполнившие театр рабочие:

— Долой! — кричали они.— Андрея председателем! Андрея! Андрея!

Яков Михайлович поднялся на трибуну. И все пошло так, как хотели большевики.

А митинг на Верх-Исетском заводе! Рабочие собрались в листовом цехе и внимательно слушали товарища Андрея.

Были выставлены патрули.

Вдруг раздался крик: «Полиция!»

Тогда один рабочий, Алексей Ермаков, быстро накинул на Свердлова какую-то рабочую одежонку, чью-то шапку на глаза надвинул, на ходу мазнул лицо сажей и через котельную, через заднюю проходную вывел его из завода.

Впоследствии, даже через много лет, Бажов не мог забыть то яркое, неизгладимое впечатление, которое произвел на него Яков Михайлович.

В 1906 году Павла Петровича Бажова арестовали за участие в учительском союзе. Но никаких серьезных обвинений предъявить ему не могли и, продержав две недели, выпустили.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Через год Павел Петрович перешел работать в женское епархиальное училище. Название это происходило от слова «епархия» — область определенного церковного деления, куда входило несколько церквей. Это и составляло епархию. В училище давалось неполное среднее образование. Выпускницы училища могли стать учительницами начальной школы, главным образом церковноприходской. Все девочки были из семей мелкого духовенства — дьячков, священников небольших церквей, не имевших средств учить детей в гимназии. В епархиальном и платить дешевле, и общежитие есть. Звали учениц епархиалками. Они носили форменные платья цвета бо́рдо.

Епархиальное училище было сходно с духовным: так же много внимания уделялось преподаванию закона божьего. И расположено оно было по соседству с монастырем — угрюмое кирпичное здание с длинным темным коридором.

Вот сюда-то и пришел 1 сентября 1907 года новый учитель русского языка и литературы — Павел Петрович Бажов. У него были волнистые русые волосы и густая красивая борода.

С любопытством устремились на него десятки глаз. Какой он, новый учитель? Строгий или добрый? Справедливый или вредный?

А учитель, чуть улыбаясь, смотрел на учениц и тоже думал: какие они, эти девочки? Как будут учиться? Сможет ли он заинтересовать их, подружиться с ними? Раньше он учил мальчиков, и отношения у него с учениками были самые дружеские. А как будет здесь?

Но тревога оказалась напрасной. Когда новый учитель заговорил о том, как хорошо должен знать человек свой родной язык, уже с этого момента появился живой интерес в устремленных на него глазах. Девочки очень быстро полюбили нового учителя. Да иначе и быть не могло. Павел Петрович любил свой предмет и умел эту любовь передать детям, умел сдружиться с ними. Разве можно было такому учителю плохо ответить? И девочки старались как можно лучше подготовиться к уроку.

На уроках русского языка не было зубрежки, страха перед учителем. Раньше в классе не очень-то жаловали этот предмет: ну что в нем интересного — правописание, правила... С приходом нового учителя все изменилось. Как понятно и занимательно он рассказывал! Он подбирал примеры из басен Крылова, из произведений Пушкина, Лермонтова, Толстого... На его уроках ни один человек не думал: «Хоть бы скорее звонок». Сочинения Павел Петрович читал особенно вдумчиво, подробно записывал замечания на полях и тщательно разбирал работы.

— Не забывайте, что красота слога прежде всего в простоте,— говорил Павел Петрович.— Не забывайте правила: чем проще — тем лучше.

Да, это был совсем необыкновенный для того времени учитель. Не жалея для своих учениц времени, он оставался после уроков. Он стал их лучшим советчиком, воспитателем, старшим товарищем. Иногда ребята спрашивают, добрым или строгим учителем был Павел Петрович. Он был очень хорошим учителем, а хороший учитель обязательно бывает и добрым и строгим. Если же учитель будет только добрым, ничего не станет требовать от учеников, то он просто ничему не научит. Выйдут такие ребята из школы незнайками, не смогут продолжать образование, не смогут работать как следует... И всю жизнь потом будут поминать недобрым словом своего «доброго» учителя.

Павел Петрович никогда не кричал на ребят, говорил ровным, спокойным голосом, и все его прекрасно слушались. А уж если нахмурит брови да еще проведет несколько раз рукой по волосам — значит, огорчили учителя, значит, плохо отвечали или болтали на уроке, значит, он сердится. И сейчас же все притихали и виновато опускали глаза.

Многих научил уму-разуму учитель Бажов за время многолетней педагогической деятельности. Ведь он учительствовал восемнадцать лет!

ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Павел Петрович Бажов внимательно следил за тем, что читают дети. Сам он с детства любил книгу.

Его первый учитель Александр Осипович познакомил мальчика с великим русским писателем А. С. Пушкиным.

Стихотворение «Утро» и стало началом большой любви к Пушкину, которую пронес Бажов через всю жизнь. Он так вспоминает об этом:

«Стихотворение «Утро» удивило тем, что там вовсе не потребовалось никаких объяснений.

По вопросам учителя мы составили такую оценку стихотворению: «В нем все говорится по порядку, потому оно само запоминается да еще как-то веселит».

Эта оценка подтвердилась и на деле. Большинство запомнило стихотворение с первой читки.

Когда даже самые слабые ученики выучили его и «бойко читали по знакомому месту», учитель сказал, повторяя нашу оценку:

— В том и дело, что у Пушкина все понятно, «все говорится по порядку» и все «само запоминается». Так и знайте, что нет и не было у нас писателя ближе, роднее и больше, чем Александр Сергеевич Пушкин. Сегодня вот как раз исполнилось пятьдесят лет, как его убили, а никто вровень с ним не стал, и станет ли, неизвестно.

Учитель держал нас строговато, не любил, чтобы «высовывались» с вопросами, когда нас не спрашивают, но на этот раз не сделал замечания, когда со всех сто-

рон послышалось: «Кто убил? Где убил? Как убили? Почему? Что сделали с теми, кто убил?»

Учитель рассказал о дуэли и последних днях Пушкина и угрюмо добавил:

— Подрастете, сами узнаете, что дуэль подстроена была. Большому начальству неугоден был Пушкин, его и подвели под пистолет, а того чужеземца, который Пушкина убил, выслали домой. Все и наказание ему было в этом.

Такой осталась в моей памяти пятидесятая годовщина смерти великого поэта».

Как же так? Почему? За что власти не любили Пушкина? Хотелось найти ответ на все эти вопросы. А найти его можно только в книгах. И мальчик жадно тянулся к книге. Библиотекарь сказал, что даст ценную книгу только при условии, если он выучит на память целый сборник стихов Пушкина. Это было сказано, конечно, в шутку, но Паша принял всерьез и действительно выучил наизусть всю книгу.

Когда Бажов учился в семинарии, ему попалась книжка Чехова «Пестрые рассказы». Он купил ее, как говорится, «на последние медные». Занимаясь с отстающими учениками, он зарабатывал всего шесть рублей в месяц, и покупка книги была для него большим расходом.

Семинаристам полагалось читать только те книги, на которых была специальная пометка: «рекомендовано» или «допущено». На чеховской книжке никакой «разрешительной» пометки не имелось, и потому приходилось читать ее тайком. Но стоило достать книжку и прочитать первый рассказ, стало так смешно, что невозможно удержаться от хохота, захотелось тут же поделиться с товарищами.

Так он впервые познакомился с Чеховым, который стал его любимым писателем.

Бажов не мог допустить, чтобы его ученики читали что попало. Он помнил, как в детстве, попав в город, жадно набросился на книги. И вместе с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя и «Робинзоном Крузо» Д. Дефо, драгоценной для него книгой «Принц и нищий» М. Твена, которую ему подарили, буквально осчастливив таким подарком,— вместе с настоящими книгами он прочитал много «книжного барахла» — романов с преступлениями, со всякой выдуманной жутью...

Не зря жена Смородинцева, Елена Николаевна, когда он жил у них в доме, запрещала ему читать «такую гадость».

Немало было прочитано и просто глупых, ненужных книг.

Бажов подбирал для детей умные, хорошие книги и отметал в сторону пустое и вздорное «чтиво». Особенно высмеивал он книги модной тогда писательницы Чарской, которыми зачитывались и институтки, и гимназистки, и епархиалки, и даже бедные «приютки» — девочки-сиротки, жившие в приюте, унылая жизнь которых поразила Бажова, когда он, еще мальчиком, смог наблюдать ее.

«Из зданий, выходивших на Щепную площадь, заметил тогда лишь Нуровский приют, двухэтажное каменное здание на том месте, где ныне выстроено здание геологического музея. При доме, как водилось для учреждений такого порядка, была домовая церквушка. Было бы где призреваемым помолиться за «благодетеля».

Мне потом случалось много раз проходить мимо приюта, приблизительно в одни и те же часы, и я неизменно слышал одну и ту же песенку:

Клубок катится,
Нитка тянется...
Клубок дале, дале,
Нитка доле, доле...

Через окна было видно: в большой комнате сидит человек сорок девочек в платьишках грязно-серого цвета, ковыряются над большими полосами белой материи и без конца тянут свою тоскливую песенку. Это запомнилось на всю жизнь, как самое унылое».

Даже они, эти худенькие девочки, с землистыми от недоедания лицами, мечтали о балах, шикарных бальных платьях, шляпах с перьями и графах, которые их похищают.

Начитавшись книг Чарской, бедные девчонки шептались по ночам, а потом весь день клевали носом за своим нудным шитьем.

Бажов так говорил о книгах Чарской: «Они не раскрывают перед читателем подлинной жизни, не говорят о труде, а учат скользить по поверхности жизни, маня

легкими удовольствиями, уводят от действительности в царство мечтаний».

Павел Петрович прививал детям любовь к умной, хорошей книге, к произведениям русских классиков. Особенно ценил и любил он Мамина-Сибиряка.

«...Правдивость, на мой взгляд,— самое ценное в творчестве Мамина. По его произведениям дети увидят подлинную жизнь — цепь забот и труда, с редкими радостями; увидят и темные стороны жизни».

Он даже подготовил доклад «Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель для детей» и прочитал его в училище на литературном вечере. Этот доклад потом был напечатан в «Епархиальных ведомостях». Вот в какие давние годы Бажов заботился о книгах для детей.

Сам Павел Петрович читал очень много. И не просто читал. Он делал выписки из книг, часто возвращался к прочитанному, размышлял над наиболее интересными страницами.

В это время он уже имел большую библиотеку. С детства привык он беречь книги, дорожил ими, бережно с ними обращался. Но для своих учеников книг не жалел — щедро давал читать.

Так и пронес он через всю жизнь свою большую любовь к книге.

ВАЛЯ ИВАНИЦКАЯ

Была в епархиальном училище девочка — Валя Иваницкая. Росла она в бедной многодетной семье. Отец ее был как раз одним из тех семинаристов, которых в свое время исключили из четвертого класса Пермской духовной семинарии «за бунтарство». Тогда сразу исключили чуть не половину класса. В числе изгнанных был и Александр Иваницкий. Это исключение из школы испортило юноше всю жизнь. Любил он музыку, пение, страстно хотел учиться — и все разом рухнуло. Учиться никуда не принимали, да и на какие средства учиться, когда, как тогда говорили, в одном кармане вошь на аркане, в другом — блоха на цепи! И на работу поступить нелегко: кому нужен выгнанный семинарист? С грехом пополам удалось устроиться учителем в деревню.

Когда женился, семья стала с каждым годом увеличиваться. С такой семьей невозможно было прожить на его мизерное жалованье. Тогда Александр Иваницкий из-за лучшего заработка и надела земли пошел на ненавистную ему работу — в церковь псаломщиком, помощником попа. От отчаяния стал пить. Невеселым оказалось детство Вали, младшей дочери Иваницких. Отец умер совсем молодым. Валю воспитывала одна из старших сестер, ставшая к этому времени учительницей. Она-то и устроила сестренку в Екатеринбургское епархиальное училище.

Училась Валя старательно. Любила писать сочинения, выражая в них не по годам серьезные мысли.

Любила Валя и стихи. В то время было очень модно писать друг другу на память в альбом. Часто туда писали стихи пустые, даже пошлые.

Валя в альбом своей подруге Груне написала так:

Не смущайся в тяжелые годы —
Верь, надейся и жди,
Что луч света, добра и свободы
Взойдет на тернистом пути!..

Учитель русского языка и литературы Павел Петрович Бажов относился к девушке с особым вниманием. А Вале учитель понравился сразу, с первого взгляда, с первого урока.

Незаметно мелькали дни, и приближалось время расставания девушек с училищем, подругами, учителями...

11 июня 1911 года состоялся выпуск — девушкам вручили аттестаты. День был яркий, веселый, солнечный. Павел Петрович и Валя вышли в сад. Там на скамейке под березой состоялся решающий разговор. Завтра Валя должна уехать. Как же быть дальше? Расставаться? Но ведь они полюбили друг друга и решили сохранить свою дружбу навсегда, на всю жизнь. Конечно, о таком серьезном шаге нужно посоветоваться с мамой и сестрами.

На следующий день Валя уехала домой, в Камышловский уезд, а через несколько недель приехал в Ново-Пышминскую и Павел Петрович, чтобы познакомиться с родными своей будущей жены.

Какой это был чудесный день, какая хорошая встреча! Июль, разгар лета. Зелень, цветы, птичье пение, а впереди — счастье...

Вижу я яркий сверкающий день,
Выжженный солнцем Пышминский откос,
На смуглом лице от зонта полутень
И мягкую прядь непокорных волос...

Такой осталась эта встреча в памяти Павла Петровича и в его стихах. Да, да, не удивляйтесь, он тогда писал стихи.

А вечером вдруг налетела гроза, как будто напоминая, что счастье не может быть безоблачным, что в жизни будут и невзгоды и нужно уметь бороться с ними, быть сильными, не довольствоваться только своим уютом, своим благополучием. Иначе Павел Петрович и не думал, иной жизни не представлял. Об этом он взволнованно сказал в стихотворении, которое прислал через несколько дней своей невесте:

. . . .
В даль потемневшую жадно глядели,
Ярко надежды горели в сердцах,
Думы грядой непослушной летели...
Чудилось, будто то жизни невзгоды
На нас ополчились угрюмой толпой,
К светлому храму добра и свободы
Путь заграждая собой.
Об руку смело идем мы вперед,
Крепкую веру храня.
Рано иль поздно, а все же взойдет
Русского счастья заря.
Если же нам суждено не дойти,
Оба погибнем на честном пути.

Это не просто стихотворение: здесь выражена самая сокровенная мысль автора, раскрыта цель, которую он перед собой ставит, его мечта. «Рано иль поздно, но все же взойдет русского счастья заря...» Всю жизнь посвящает Бажов борьбе за свою мечту, мужественно идет навстречу этой заре народного счастья.

В 1911 году Павел Петрович Бажов женился на Вале — Валентине Александровне Иваницкой. Оба они были молодые и красивые. У нее были задумчивые карие глаза и длинные темные косы. Ей очень шло белое платье и белая вуаль. Вероятно, поэтому до самой старости Павел Петрович любил, чтобы его жена носила белые платья и кофточки.

— Не носи черное — еще успеешь, наносишься...— говорил он.

Скромно отпраздновали Бажовы свою свадьбу в кругу родных Валентины Александровны и в тот же день уехали.

Давним и большим желанием Павла Петровича было посмотреть белый свет, поездить по стране, побывать у моря, о котором он столько читал. Мечтал он об этом давно, давно откладывал деньги. И вот теперь вместе с молодой женой они двинулись в это первое и лучшее свое путешествие.

Павел Петрович и Валентина Александровна очень любили и уважали друг друга. Павел Петрович ласково звал жену Валя́нушкой. Они прожили душа в душу почти сорок лет. Валентина Александровна оказалась хорошей помощницей, верным другом Павлу Петровичу в его сложной, нелегкой жизни. В самые трудные минуты она поддерживала его и помогала во всем.

Первые годы Бажовы жили вместе с мамой Павла Петровича Августой Степановной в маленьком домике на углу Болотной и Архиерейской (теперь улицы Большакова и Чапаева). Домик был тесный и старый. Когда родилась дочь Оля, пришлось призадуматься над тем, как жить дальше. Решили строить новый дом. Опять пришлось во всем себе отказывать, чтобы собрать деньги. Дом был построен только в 1914 году. Именно в этом доме, который стоит и теперь, который мы знаем и зовем бажовским домом, прошли многие годы жизни Павла Петровича. В нем были написаны его знаменитые сказы.

Дом небольшой, деревянный в несколько комнат. Одна из них — кабинет Павла Петровича.

Павел Петрович всегда очень много работал. Он интересовался историей Урала, самостоятельно изучал немецкий и французский языки, постоянно и много читал.

В Екатеринбургских архивах Бажов разыскивал документы, связанные с Пугачевским восстанием.

Пугачевым интересовались многие передовые историки и писатели. Они хотели изобразить его правдиво, а не разбойником и бунтовщиком, как называли его царские власти. Первым создал образ Пугачева — народного героя, а не разбойника — А. С. Пушкин в повести «Капитанская дочка» и в незаконченном произ-

ведении «История Пугачевского бунта». Судьба этого смелого, умного и энергичного человека, который пытался помочь своему народу, глубоко волновала и Бажова.

Еще с детства хранились в памяти легенды и предания о Думной горе, где якобы сидел и думал свою думу Емельян Пугачев.

Павел Петрович очень любил музыку. И часто по вечерам из окон дома Бажовых доносилось пение и звуки гитары. Валентина Александровна хорошо пела и играла на гитаре — любимом инструменте Павла Петровича.

Всей семьей любили Бажовы ходить в оперный театр, который тогда только открылся в нашем городе.

В КАМЫШЛОВЕ

В 1914 году началась первая мировая война. Через Екатеринбург двигались эшелоны. Солдаты невесело пели:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши сестры?
Наши сестры — пики-сабли востры —
Вот где наши сестры...

Жить стало труднее, особенно с большой семьей. Подумали, подумали Бажовы и решили переехать в Камышлов: там и продукты гораздо дешевле, и родные Валентины рядом живут. Так и сделали.

В Камышлове Павел Петрович снова стал преподавать русский язык. Скоро он сдружился с рабочими паровозного депо В. Д. Жуковым и Д. И. Лещевым, рабочими обувной фабрики Подпориным, Удниковым и другими. Это были революционеры-подпольщики. Они стали бывать у Бажовых. Засиживались порой до полночи. Велись горячие споры и разговоры о войне, о положении рабочих, о революционном движении в России, о жизни...

Новые друзья Бажова были малограмотными, и Павел Петрович помогал им учиться, щедро делился с ними

своими знаниями, но и они, в свою очередь, помогали ему овладевать трудной наукой революционной борьбы.

П. П. Бажов всегда с благодарностью вспоминал этих своих друзей-учителей, с которыми он нашел в жизни самую правильную дорогу. Особенно любил он Василия Даниловича Жукова.

«Гости» у Бажовых собирались все чаще, и приходило их все больше. Это становилось опасным. В любое время могла нагрянуть полиция. Тогда решили собираться или в загородном саду, или прямо в железнодорожном депо. Позже кружок установил связь с революционной подпольной группой, организованной солдатами запасного полка, который стоял в Камышлове.

Все ярче разгорался огромный костер революционной борьбы. Революция приближалась.

И вот грянул великий 1917 год.

Тогда Бажов не был еще большевиком. Но под воздействием великих событий, которые произошли в стране, а также под влиянием своих друзей рабочих-революционеров, таких, как Жуков, он понял, где его место и с кем ему идти.

Об этом Павел Петрович так рассказывал писателю М. А. Батину:

«...Я считаю, что мое знакомство с марксистской литературой началось в семинарские годы, потом продолжалось уже в годы школьной работы. Я не могу сказать, что я много занимался этим делом, но основные марксистские книги, имевшиеся тогда, мне были известны. В частности, с произведениями Владимира Ильича я начал знакомиться по книге, которая вышла под фамилией Ильина,— «Развитие капитализма в России». Это было мое первое знакомство с Лениным, а большевиком стал я практически в период гражданской войны».

После Февральской революции Бажов работал в комитете общественной безопасности, потом его избрали председателем первого в Камышлове Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

А вскоре в стране произошли такие величайшие события, которые все изменили и перевернули. Павел Петрович Бажов, когда стал писателем, сказал так:

Августа Стефановна Бажова
Петр Васильевич Бажов
Павел Бажов семинарист (внизу)

П. Бажов с женой
Валентиной Александровной (слева)
и матерью Августой Стефановной.
1912 г.

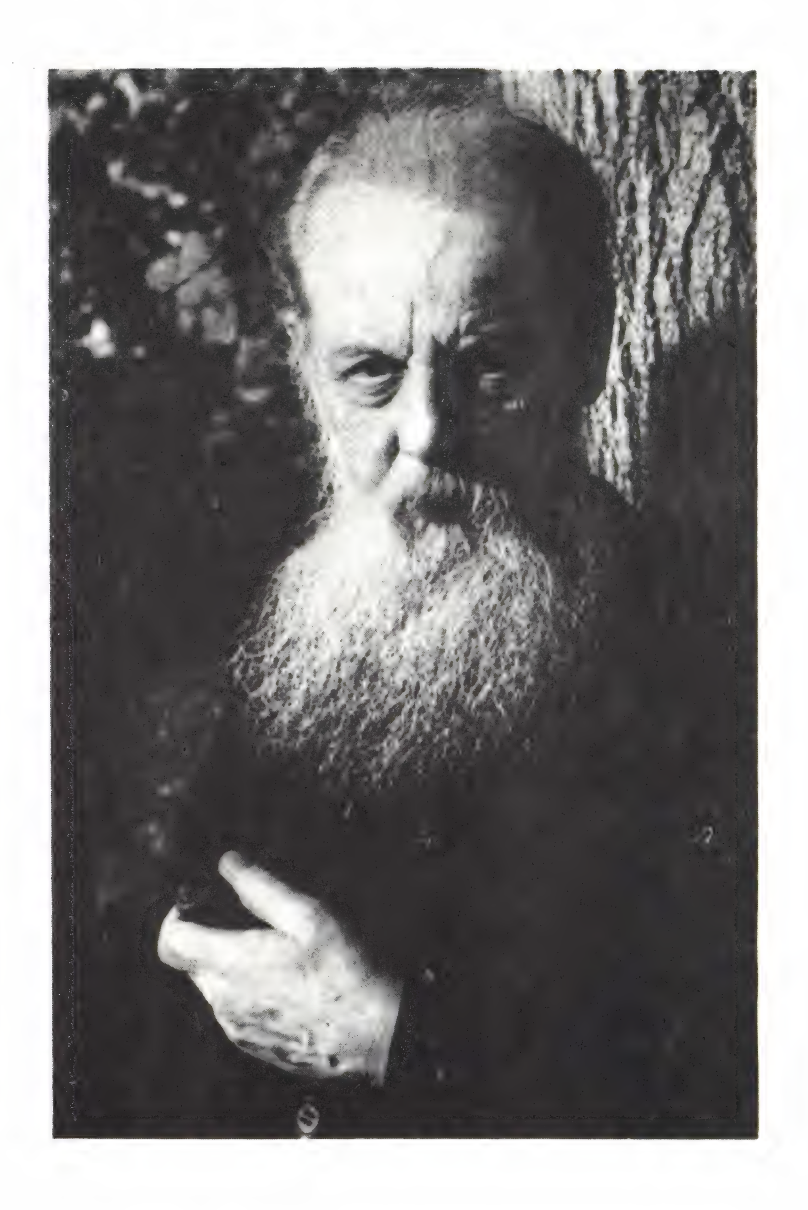

Флигель (слева), в котором жила семья Бажовых в Полевском

В этом доме с 1914 по 1918 год жила семья Бажовых (город Камышлов)

П. Бажов. 1947 г.

Рукопись сказа П. Бажова
«Горный мастер»

Горный мастер.

Катя — Данилова-то невеста-так невыгодницей и осталась. Года два ли после того прошло, как Данило-то потерялся, она и вовсе из невестинской поры вышла. За двадцать-то лет по-нашему, по-заводскому, перестарок считалась. Парни таких не сватали, вдовцы вдруг бы. Ну, эта Катя, видно, пригожая была — к ней все женихи лезут, а у ней только и слов — Данилу обещалась. Ее уговаривают, конечно: Что поделаешь!

— Что ты в самом деле! Теперь человек изгиб, Обещалась, да не вышла. Давно ровно, бросить.

Катя на своем стоит: Данилу обещалась. Может, он и придет еще.

Депутатский билет П. Бажова

П. П. Бажов с писателем
А. С. Серафимовичем.
2 апреля 1941 г.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ДЕПУТАТСКИЙ БИЛЕТ № 271

Предъявитель, тов. Бажов
Павел Петрович избран депутатом
СОВЕТА СОЮЗА от
Красноуфимского избирательного
округа Свердловской обл.

2 СОЗЫВ 1946

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

СССР

Личная подпись П. Бажов

П. П. Бажов с писателем
А. Е. Корнейчуком у входа
в здание Верховного Совета СССР
в Кремле. 1950 г.

П. П. Бажов среди поэтов Урала. 1948 г.

Дом по ул. Чапаева (ныне музей), в котором жил и работал П. П. Бажов. (Свердловск)

«И, вероятно, никаких литературных работ у меня не было бы, если бы не революция».

Октябрьская революция. Сразу вспоминаются строки Маяковского:

Штыками
тычется
чирканье молний,
Матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.

Это там, в далеком Петрограде. А маленький уральский городок Камышлов еще ничего не знал. Были плотно закрыты ставни. Городок спал.

Но ночью пришла телеграмма. И тут же среди ночи было собрано партийное собрание в кинематографе «Чудо». Это здание еще в первые дни после Февральской революции частенько занимали большевики и проводили здесь собрания. На эти собрания приходили не только рабочие, но и солдаты. Из солдат наиболее активными были трое. Одного из них звали Илья. Илья Садофьев. Его потом направили от Совета в дальний Питер с поручением, и он прислал оттуда письмо, в котором сообщал, что задание выполнил, что видел и слышал Ленина, получил ответ на непонятные и волнующие вопросы.

И вот открылось партийное собрание, где обсуждается важнейший документ — полученная телеграмма. А на другой день эту телеграмму читали на большом собрании рабочих и солдат.

Власть перешла к Советам.

Бажова выбрали в Совдеп — Совет депутатов. В феврале его назначили комиссаром просвещения, а через несколько месяцев — редактором газеты «Известия Камышловского Совета».

Уже гремели залпы гражданской войны, и люди верили в победу, в свою молодую Советскую власть, заботились о будущем. В июне проводилось совещание

о развитии промышленности Камышловского района, и комиссар Бажов делал два доклада: «Глина, известняки и минеральные воды» и «Торфяное дело». В этих докладах он говорил о том, что к природным богатствам нужно относиться бережно, по-хозяйски, а не расхищать их, как это делалось при царизме.

Особенно волновала Павла Петровича добыча торфа. Ведь в стране так плохо с топливом. А кроме того, увеличение добычи торфа сохранит лес, а заболоченные участки превратит в луга и пашни.

Вот какими мирными вопросами занимались большевики еще на самой заре Советской власти. Они хотели мира, хотели охранять природные богатства, перестраивать хозяйство. А вместо этого им пришлось брать в руки винтовки. Грозные тучи собирались над молодой Советской Республикой.

БОЕЦ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

По военной дороге шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год...

Так поется в песне. И поют эту песню и пионеры, и те, у кого уже совсем седые волосы, у кого позади трудные военные дороги. Им напоминает она боевую юность. Они видят себя совсем молодыми красноармейцами, а может, еще красногвардейцами. Вспоминают, как воевали с белыми за свободу и счастье своих детей и внуков.

Враги хотели задушить Советскую Россию, вернуть власть капиталистам, расправиться с рабочими и крестьянами, снова поработить их. Они хотели, чтобы дети рабочих росли голодными и неграмотными и с малых лет батрачили на богатых. Но рабочие и крестьяне не могли отдать врагам свободу и счастье. С оружием в руках шли они защищать свою молодую Советскую власть.

Еще в ноябре 1917 года на Южном Урале поднялся против Советской власти казачий атаман Дутов. Он захватил Оренбург, Челябинск, Троицк. На помощь уральским рабочим поспешили красногвардейские от-

ряды из Петрограда, Поволжья, Туркестана. Дутовскую банду разбили. Но через два месяца Дутов попытался выступить снова.

28 января 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Наступала тревожная весна 1918 года. Интервенты нескольких капиталистических держав как коршуны налетели на Советскую Россию: англо-французские — на севере, японские и американские — на Дальнем Востоке. Германские войска оккупировали Крым, часть Дона и Закавказья. Телеграф приносил тяжелые вести одну за другой. Ох, как тревожно стучит аппарат. Точка, тире, точка, тире... Белочехи заняли Мариинск и Новониколаевск, Томск, Курган, Челябинск, Златоуст, Уфу... В деревнях поднялись богачи-кулаки, они стреляют из-за угла в большевиков, поднимают кулацкие восстания.

Сформированные на ходу, совсем еще молодые части Красной Армии вступают в неравный бой. Они проявляют беззаветное мужество и героизм с первых дней. Но трудно, очень трудно сражаться с опытным, сильным, хорошо подготовленным противником, которого капиталистические державы щедро снабдили и оружием, и боеприпасами, и теплой одеждой, и едой.

В июле белые, как бешеные, рвались к Екатеринбургу. У них была артиллерия и бронепоезда. 25 июля 1918 года они захватили Екатеринбург.

Для того чтобы разбить белых, необходимо было собрать большую силу. Был дан приказ оставить Камышлов и идти всем в Ирбитский завод. Туда направились и партизанские отряды, и красные полки, в том числе и Первый крестьянский коммунистический полк. Потом его назвали полком «Красных орлов». Первым его командиром был П. Н. Подпорин, один из близких камышловских товарищей Бажова. А руководил всей этой военной операцией смелый красный командир Макар Васильевич Васильев.

Как только Камышлову стала угрожать опасность колчаковского нашествия, было решено немедленно вывезти из города ценности. Для этого создали специальную комиссию. Вошел в нее и Павел Петрович Бажов. Комиссия под охраной красноармейского отряда из двадцати восьми человек доставила в Пермь свой

ценный груз — несколько ящиков серебряных и медных денег, две-три сотни золотых монет и облигации. В Перми все тщательно пересчитывали и переписывали. Поэтому пришлось задержаться на целых два дня. Выехали сразу, как только закончили передачу. Но оказалось, что в Камышлов возвращаться уже нельзя, там белые. Всем отрядом отправились прямо на фронт. Фронт в это время был недалеко — в Егоршино.

Но попасть туда тоже не просто.

«Когда добрались до Алапаевска,— рассказывает П. П. Бажов в книге «Бойцы первого призыва»,— там предупредили:

— Держись, ребята, начеку. Каждую минуту под обстрел справа и слева попасть можно.

Ехали в теплушках с земляной засыпкой стенок. Около станции Самоцвет были уже наши части (Липкинского отряда)».

Бажов со своим маленьким отрядом встретился с командиром Васильевым.

«Уверенный и спокойный, как всегда, недавний председатель уездного исполкома, а теперь командующий еще не оформившейся частью, не то дивизией, не то бригадой, М. В. Васильев с коротким смешком объяснял:

— В эту сторону — до Боярки (нынешняя станция Талый Ключ), в эту — до Антрацита, сюда — до Режа, а там с уверенностью только до Самоцвета. Круг, между прочим, с радиусом... Честь честью... хоть вычерчивай... а все-таки их держим. Да вот, гляди, попрем еще» (Бажов. «Бойцы первого призыва»).

Однажды снаряд угодил прямо под стену вокзального помещения, против окна той комнаты, где распределяли газеты для фронта. Снаряд никого не убил и не ранил, и красноармейцы стали смеяться: «Ишь прилетел за газетами!»

Газеты действительно были нужны, и не только красным. Даже белогвардейцы читали нашу «Правду», когда она к ним попадала, и некоторые из них начинали кое-что соображать. Как хорошо было бы иметь свою газету, в которой рассказывать о близких делах и событиях, о фронтовой жизни.

— Езжай в. Алапаевск,— сказал Бажову Васильев.— Там у нас, между прочим, типография Шаравьевой загнана. Так вот, нельзя ли, между прочим, наладить газету... Чтобы, знаешь, близкие места были и тут же

общая информация,— оживленно говорил командир дивизии, пересыпая речь своим любимым «между прочим». Мысль оказалась встречной. Заведующий политотделом дивизии В. М. Мумин в двух американских грузовых вагонах уже разместил типографию, разыскал человек шесть типографских рабочих и добыл целый вагон бумаги. На предложение ответил обрадованно:

— Вот и хорошо. Приблизим к огню и начнем выпускать. Связь установим. Тут же при редакции будет информационный отдел дивизии.

Так рождалась «Окопная правда», орган 29-й дивизии.

Редактором «Окопной правды» стал П. П. Бажов. Он так рассказывал об этом:

«Газета выходила на фронтовой линии. Я был и редактором, и секретарем газеты, и выпускающим — все в одном лице. Газета вместе с типографией ездила в двух вагонах. Выходила нерегулярно. Выпустили мы пятьдесят номеров на Уральском фронте. Сотрудниками газеты были красноармейцы».

...Сентябрь. Золотистая листва на березах. Краснеют гроздья рябины. Но некогда любоваться красой уральской осени — не до того сейчас. Фронт. Бои. Тревоги. Сентябрь... Когда-то, девятнадцать лет назад, в сентябре 1899 года, учитель Бажов впервые вошел в класс, начал свою трудовую жизнь. В сентябре 1918 года военный политработник Бажов начинает свою партийную жизнь: первого сентября Павла Петровича Бажова, добровольца Красной Армии, бойца первого призыва, приняли в Коммунистическую партию.

Теперь, редактируя газету, Бажов одновременно заведовал отделом информации политотдела, а потом стал еще и секретарем партячейки штаба дивизии. Павла Петровича зачислили в «Особую советскую роту полка «Красных орлов». Он выпускает газету, пишет очерки, рассказы, фельетоны... Перо стало для него оружием бойца.

Натиск врагов усиливался, но наши полки крепко держались и вместе с другими частями Красной Армии мешали наступлению белых на Пермь.

Против одного нашего полка «Красных орлов» колчаковцы выставили целых четыре полка. Бывали бои, когда на одного красноармейца приходилось двадцать белобандитов. И красные все-таки побеждали,

Перед Октябрьским праздником в походной редакции «Окопной правды» сидел ее редактор Бажов, бледный от усталости, с покрасневшими от бессонницы глазами, курил махорку и готовил передовую статью к первой годовщине Октября. Трудно было писать праздничную статью, когда над Республикой Советов нависла смертельная угроза, когда сжималось черное вражеское кольцо. Но он верил в победу.

Колчаковцы делали несколько попыток отрезать 29-й дивизии путь на Пермь, окружить и разбить ее.

«Ничего не вышло из этого плана белых»,— пишет Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков в предисловии к книге Бажова «Бойцы первого призыва».— Белогвардейское командование вынуждено было продолжать удерживать крупные силы на этом направлении, очень невыгодном для быстрого решения наступательных задач. Упустив благоприятное время лета и сухой осени, белые только 25 декабря 1918 года заняли Пермь.

Наша, двадцать девятая, дивизия держалась до последней возможности. Даже когда все другие части ушли из города, Камышловский и Рабоче-Крестьянский полки больше суток удерживали станцию Пермь II, чтобы дать возможность вывезти эшелоны с оружием и военным имуществом.

Весь этот боевой путь, тяжелый, героический, полный опасности, вместе со всеми прошел и Павел Петрович Бажов.

В ЛОГОВЕ ВРАГА

В тяжелом бою с колчаковцами за Пермь Павел Петрович был контужен. Враги схватили его, зверски избили и бросили в тюрьму. Когда пришел в себя, долго не мог понять, где он, что с ним, сколько прошло времени... Неужели все это было еще сегодня? Вспомнил: зимнее утро, шла сильная стрельба. Положение становилось угрожающим. Он оставался один в вагоне и торопливо уничтожал военные документы, чтобы не попали в руки врагу. Раздался какой-то грохот, и больше он ничего не помнил... А дальше — белогвардейские плети, тюрьма...

«Что делать? что делать? что делать?» Его, «большевистского комиссара», конечно, расстреляют... Неужели это последний день его жизни? Ну нет, сдаваться рано, нужно попытаться вырваться.

Где-то слышатся отдаленные выстрелы. Значит, наши еще близко. Удалось бы к ним пробраться! Но как, как это сделать? И он идет на отчаянный риск: он решается на побег. В тюрьме творится что-то несусветное: приводят и вталкивают избитых, окровавленных красноармейцев, и в то же время выпускают сидевших здесь раньше буржуев и колчаковцев. Воспользовавшись такой неразберихой, Бажов незаметно пристраивается к одной буржуйской компании — его гражданская одежда и солидная борода оказались кстати. Каким-то чудом выбирается на волю. Только бы не выдать себя, не броситься бежать. Собрать всю выдержку. Потом сам Павел Петрович удивлялся этой свой удаче. Он на свободе! Но кругом белые. Город взят. Правда, на Вознесенской улице и на берегу идут еще бои. Скорее туда — к своим! Но поздно: под напором белых наши части вынуждены отступить. Пробиться к ним оказалось невозможным. Он пытается перейти через линию фронта, однако из этого ничего не выходит. Тогда Бажов принимает новое решение: «В Сибирь! Там, в сибирской тайге, организуются партизанские отряды! Там он сможет принести пользу».

Легко сказать, лютой зимой в сорокаградусные морозы, в летнем пальто и стареньких сапогах, пешком пробираться в сибирские края! Но другого выхода нет. Прежде всего — как-то добраться до Екатеринбурга.

И он шел, шел ночами вдоль проселочных дорог, осторожно обходя белогвардейские посты и заслоны. Отогревался в деревнях и рабочих поселках и торопливо шел дальше. Люди не выдавали его, не задавали лишних вопросов, принимали, поили горячим чаем, делились последним куском хлеба. И только иногда тревожно спрашивали: «Скоро ли вернутся красные?»

А однажды Павлу Петровичу пришлось совсем плохо. Мороз был такой, что трудно дышать. Идти становилось все тяжелее. Он замерз до того, что не мог передвигать ноги. И кругом только лес и глубокие снега. Сил больше не было... Мелькнула последняя мысль — упаду и не встану... не выберусь... конец... И упал в снег. И тогда его, уже полузамерзшего, подо-

брал какой-то крестьянин, проезжавший мимо. Уложил в сани, прикрыл рогожей и сеном и провез мимо колчаковцев, хотя это грозило расстрелом. Никогда не мог забыть Бажов этого крестьянина, спасшего ему жизнь. Жалел об одном, что не смог даже узнать его имя.

Голодный, в летней одежде, в лютые морозы Бажов пешком дошел от Перми до Екатеринбурга. Сердце сжалось от боли, когда он увидел город в руках белогвардейцев. Разгул колчаковщины, расправы. Необходимо быть очень осторожным, чтобы не погибнуть здесь, не попасть снова в лапы зверя.

Передохнул у друга. Долго скрываться у него нельзя. Пожалуй, безопаснее на заезжем дворе, где останавливались и приезжающие из деревень крестьяне, и приказчики, и мелкие купчишки,— здесь всегда толкалось столько разного люда, что на нового человека не обратят внимания. Только бы облавы не случилось.

На столе постоянно кипел огромный медный самовар. Налил стакан чая и, пристроившись у окна, развернул газету. Газета была, конечно, белогвардейской — «Горный край». На первой странице говорилось, что продолжается подписка на 1919 год, что подписная цена на один месяц — 10 рублей. Рядом было помещено объявление, что исчез бесследно какой-то торговый агент, а «первоклассный цирк-зверинец Кадырги-Лам в четверг дает экстраординарное представление».

Нет уж, ни в каком зверинце не увидишь таких зверей, каких пришлось видеть в белогвардейских бандах!

Ниже чуть не всю страницу занимает приказ начальника гарнизона города Екатеринбурга. Стал пробегать глазами по строкам длинного приказа... «Благочестие...», «религиозность...», ну, это так, из пустого в порожнее, а вот здесь интереснее:

«...Его Превосходительство Командующий Сибирской Армией генерал-лейтенант Гайда лично приказал мне установить в гарнизоне строжайшую дисциплину, внутренний распорядок в казармах, следить за производством занятий в полках, дабы не было бесцельного шатания военных чинов по городу...»

Ага, видно, дисциплинка-то у вас, господа, подкачала! Так и есть, это подтверждается последней фразой

длиннющего приказа: «Приказываю не критиковать распоряжений начальства, а их исполнять». И подпись: «Начальник гарнизона гор. Екатеринбурга полковник Принц Риза Кули Мирза».

Дочитав, невольно усмехнулся: «Эх ты, Мирза-вирза-буза! Недолго тебе осталось приказывать!» А вот самое главное, из-за чего он купил газету у мальчишки-газетчика, отдав чуть не последние сорок копеек. Телеграммы. Оперативная сводка.

...Соликамское направление: без перемен.

...Оханское направление: наши части с боем заняли д.д. Хмелевку и Якунята. Таким образом, за последние двое суток нами с боем занято десять деревень и противник с занятием нами с боем деревень Васильевка, Лозы и Федорово отброшен за р. Каму.

«Отброшен... не удержались наши...» — с горечью отметил Бажов.

Но зато дальше было кое-что, от чего на душе немного посветлело: «В этих боях замечается упорство красных...»

...Оренбургский фронт. Наши части, заняв новую позицию, ведут бои с наступающим противником.

«Значит, на Оренбургском наши наступают... Хорошо!» А вот еще лучше: в сообщениях за день прямо сказано: «Нашими войсками оставлен Уральск».

Но сколько лжи, обмана, сколько злобы и грязи выливается на большевиков! Здесь и «эвакуация Петрограда большевиками» — какая нелепая ложь! Чушь какая! И клевета на «Чрезвычайку» — Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией возмутила так, что затрясло от негодования.

Чтобы немного успокоиться, заставил себя прочесть какие-то глупые заметки и происшествия. «Гр. Ю. Ф. Быковой, временно остановившейся на ст. Екатеринбург, неизвестным продан вместо двух ящиков спичек навоз, за что получено с нея 3500 рублей...»

Швырнул газету на подоконник. Какой-то сидевший недалеко толстяк в меховом жилете услужливо предложил:

— Может, мою желаете почитать? — и протянул «Уральскую жизнь». Бажов машинально взял. Сразу бросилось в глаза множество объявлений: «Продается молод. лошадь кобылица 4 лет. Водочная, № 50». «Продается корова с теленк. Кузнечная, 182». «Куклы, зай-

цы и яйца изящн. раб. инт. бежен. предлагает комисс. магазин «Работник».

Не объявление, а ребус: «комисс.» — комиссионный, это еще понятно, «изящн. раб.» можно догадаться — изящной работы, но что означает «инт. бежен.» — расшифровать трудно: интеллигентных беженцев, что ли? Ни складу, ни ладу. А вот это объявление ясное: «Продаю все большие дома в центре города, заимки, заводы, фабрики, дачи. Успенская, 41, наверху».

Понимает господин, что песенка спета, владычество капитала недолговечно, и собирается драпать за границу. Толковый буржуй!

И вдруг Бажов увидел еще одно объявление, от которого дрогнуло сердце:

«Мальчика 3-х недель (сироту) отдают в дети. Адр.: Луговая, № 166. Спр. (спросить) Авдотью Трофимовну».

Стиснул зубы от боли. Быстро вернул газету владельцу:

— Благодарствую, глаза устали...— и отвернулся к окну.

А кругом шумели, кричали, кто-то пьяным голосом горланил песню...

Ночью в доме стоял громкий разноголосый храп. Не спал только один человек. Это был Бажов. Он ворочался с боку на бок, чутко прислушивался к каждому шороху, скрипу ставней, лаю собак. Снова и снова вспоминались последние месяцы, месяцы постоянного напряжения, опасностей, жестоких боев... Гибель друзей... Длинной зимней бессонной ночью вспоминаются все — и те, с кем вместе работал, воевал, с кем дружил, и те, кого знал только как большевистских руководителей, известных революционеров, первых комиссаров и боевых командиров.

...В жестокой схватке у станции Крутиха убит матрос Хохряков, молодой, красивый, необычайно смелый... Погиб отважный комиссар Малышев... Зверски убит белогвардейцами Вайнер... Зарублен Антон Валек... Здесь, в Екатеринбурге, убита колчаковцами Мария Авейде... Расстреляны Соня Морозова и Вася Еремин... Геройски погиб в бою у Черной речки Михаил Колмагоров... и многие, многие другие...

В бою под Алапаевском был смертельно ранен осколком снаряда любимый бойцами боевой товарищ,

смелый командир, один из первых камышловских друзей Бажова — В. Д. Жуков.

«Эх, Василий Данилович, Василий Данилович!» — и вспоминал последнюю встречу, когда видел его веселым, загорелым до черноты, сверкающим белоснежными зубами...

«Жуковцы! Жуковцы!» — в страхе вопили, бывало, белые и бросались врассыпную.

Похоронили Жукова в Бисере...

И снова полоснуло болью газетное объявление — «Отдают мальчика-сироту». Вспомнились свои дети... Жена... может быть, уже в живых нет. А может, и его детей «отдают», помещая о том объявление рядом с объявлением о продаже коровы!

Нет, как бы это ни было опасно, пусть назовут даже безумием, но он должен попасть в Камышлов, хоть на час, хоть на несколько минут! Он должен узнать о них, пусть самое страшное. И потом сразу в Сибирь, в Томскую тайгу, к партизанам.

КОРОТКАЯ ВСТРЕЧА

Вечереет. Крепчает к ночи мороз. Метет поземка. Самое удобное время выбраться из города незамеченным. Попутных много. Договорился с одним и забрался в сани. Скрипят полозья по Сибирскому тракту.

Вот он лежит впереди, этот тракт. Сколько прошло здесь обозов с товарами, сколько пронеслось почтовых троек, сколько арестантов прошло, гремя кандалами... По этому тракту пролег тяжкий путь отправляемых в Сибирь декабристов. Проезжали в возках, следуя за мужьями, их юные жены. Знаменитый Сибирский тракт...

Сейчас здесь выставлены колчаковские посты, скачут белые конники. Чем ближе к Камышлову, тем тревожнее становилось на душе. Мысли о семье все беспокойнее: ведь в таком городишке всем известно, что это семья большевика Бажова, что он ушел с частями Красной Армии. Да и ему самому опасно появляться там, где его все знают. Правда, он сбрил свою заметную бороду, но поможет ли это?

Дождавшись темноты, вошел в Камышлов и осто-

рожно пробрался к дому. Сейчас была одна только мысль: «Живы ли?»

А его жена Валентина Александровна в это время очень тяжело болела. Страшные дни выпали на ее долю. Как только Камышлов заняли белые, они стали преследовать жену «красного комиссара». В квартиру врывались и делали обыски, переворачивая все вверх дном. А у Валентины Александровны на руках трое малышей — Леля, Лена и маленький сын Алеша.

Как же быть, где укрыться? Ведь белые не пощадят и детей. И Валентина Александровна решила пока схорониться в селе Спасском, где в это время работала учительницей ее сестра Наталья Александровна Иваницкая, Таля, как ее звали дома. Когда Бажова с детьми подъезжала к школе, мимо пронеслись всадники. Увидев их издали, сначала испугались, думали — белые, а когда конники приблизились, различили красные ленты. Помахали они руками, прощаясь, и ускакали. Оказалось, что это старшие ученики, организовав свой маленький отряд, уходили к партизанам. В школу заезжали, чтобы попрощаться со своей учительницей.

Не успели сестры толком поговорить, посоветоваться, как явились белые: арестовали и увезли Талю. Валентина Александровна осталась с детьми и старой матерью в пустой школе. В селе хозяйничали колчаковцы. Слухи приходили один страшнее другого: арестовали и вторую сестру, арестовали зятя, тетю, сына старшей сестры зарубили шашками... В школу несколько раз врывались белые, производили обыски. Валентину Александровну пока не трогали: очевидно, ждали, что появится сам Бажов и тогда схватят всех. Но Бажов не являлся, и терпению белогвардейцев приходил конец. Они в любую минуту могли расправиться с семьей большевика. Нужно выбираться из этой ловушки, пока не поздно. Лучше вернуться в Камышлов. Так пришлось и сделать.

Тревога о муже не давала покоя ни днем ни ночью. Она ничего не знала о Павле Петровиче и страшно о нем беспокоилась. Последнее письмо было получено давно. Где он? Что с ним? Жив ли? Такие бои... Доставала тщательно запрятанное старое письмо и снова и снова перечитывала.

«Валянушка! Родная моя, хорошая, дорогая! Ребята! Где вы все? Что с вами? Как тяжело не знать этого!

Хоть и уверяю себя, что ничего с вами не сделали, но полной уверенности все-таки не имею, и мне представляются картины одна другой безотраднее. Трудно, оказывается, быть политическим работником, оставив в таких условиях семью. Тяжело. Одно время я был уже совсем близко, только несколько верст отделяло меня от вас, но пришлось отступить. Ты все-таки не унывай, крепись и заботься о ребятишках. Все в них. У них все впереди. И для своих и для чужих ребят не могу согласиться, чтобы опять допустить владычество этого проклятого денежного мешка. Его свалить — ничего не жаль. И все-таки свалим!

Из наших, которых ты знала, правда, многих нет, но на смену им приходят новые, и силы не слабеют, а крепнут, если не здесь, то в других местах. У меня все-таки уверенность, что к зиме будем в своем уезде, вернусь и я, если, конечно, уцелею. Наши меня, правда, берегут, но случайности всякие бывают. Работы у меня, как везде и всегда, полно. Ею только спасаюсь. Если выдается свободный час, то это всего хуже — все думаешь, что с тобой, с Алешкой, с девчонками. Ночь не сплю сплошь, а как-то это на меня мало действует, вошло в привычку. Но ты не бери с меня примера. Помни, что у тебя на руках трое малышей и у самой еще много осталось впереди. Не унывай, заботься о ребятах, жди меня. А если не случится возвратиться, не раскисай, не падай духом, у тебя дети. Помни мою последнюю просьбу — воспитай, как я говорил. Прощай, поцелуй ребят».

...Павел Петрович никогда не мог забыть той зимней ночи, страшной ночи, когда он вошел в свой дом. Много жуткого рисовалось ему, когда он думал о семье, но такого ужаса все-таки не представлял. Темная холодная комната. Печь не топлена. Трое голодных полузамерзших ребятишек прижались друг к другу... А на кровати — Валентина Александровна, без сознания, и рядом с ней — мертвый Саша, младший из детей, который только недавно родился. Он не прожил и месяца...

Отправляясь в эту рискованную поездку в Камышлов, Бажов постарался изменить свою внешность. Он сбрил бороду. И даже родственники, заходя в дом,

с удивлением смотрели на него, как на незнакомого человека.

Белогвардейцы тоже, пожалуй, не узнают. Но как быть с документами? Камышловцы достали ему подложное удостоверение на имя торгового агента Бажева — закупает, мол, товар для кооператива. Так Павел Петрович превратился в «закупщика». Короткой и тревожной была эта встреча. С подложным документом двинулся через Тюмень и Омск к Томскому урману.

«ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАНИМАЛИ ГОРОДА...»

Ехать приходилось на площадках вагонов, на подножках, хотя трещали сибирские морозы. Уже из дома он выехал больным после своего путешествия из Перми в Камышлов, а теперь простудился еще больше.

Хотел задержаться в Омске, чтобы хоть немного прийти в себя. Вместо этого чуть не попал в когти к белым: его удостоверение показалось подозрительным. Кое-как удалось выбраться из города. С большим трудом добрался до Канска. Здесь достал новый документ. Теперь в бумаге было сказано, что он учитель Кирибаев, что его направляют в дальний район, в таежное село Бергуль.

Так Павлу Петровичу удалось наконец попасть в урман, к партизанам. Отряда еще не было, он только организовывался. Боец первого призыва подоспел вовремя.

Здесь он сейчас был просто необходим.

В урмане жили сильные и храбрые люди, охотники, ходившие на медведей, знавшие таежные тропы. Настороженно встретили они «вучителя», как они говорили. Но когда поняли друг друга, радости не было предела. Прежде всего они вылечили «вучителя» от затяжной мучительной простуды своими народными средствами, прогрели в бане.

Первый раз за много месяцев уснул он спокойно.

Под видом артели собрали партизанский отряд. Хорошим боевым организатором оказался «вучитель». Отлично воевали таежные партизаны. Перепуганные бело-

гвардейцы стали посылать в тайгу карателей. Но напрасно надеялись они легко расправиться с партизанами.

«Карательный отряд, посланный из Канска, оказался мал. Его без остатка сняли за сорок верст до Межовки. Понадобились батальоны, полки, обходные движения»,— вспоминает Бажов.

Однако у партизан кончились боеприпасы. А где их взять в тайге?

Белые же были одеты, обуты и хорошо вооружены. Их было куда больше, они были сильнее. И они разбили партизан. Те, кто остался жив, ушли на недоступные врагам болота.

Бажов рассказал об этом в книжке «За советскую правду». Дочитываешь повесть, и становится до боли жалко погибших в бою партизан, храбрых, отчаянных таежников. Но каждому ясно, что партизаны не разбиты, что они только отступили, чтобы собрать новые силы.

«Веселый медвежатник Андрей погиб в первой же стычке. Случайная пуля пробила ему темя как-то сверху. Сразу свалилось огромное, могучее тело. Не успел даже повторить перед смертью свой постоянный призыв: «За советскую правду!» Тяжелый отцовский бердан перешел к сынишке-подростку»,— пишет Бажов. Павел Петрович не хотел ограничить рассказ о сибирских партизанах только этой повестью. Он собирался написать еще несколько книг: «После рассказа о жизни урмана хотел показать Алтай, как бились за прииск Аджар в 1920 году. Или вот еще деталь: горцы Кавказа — в чеканных поясах, папахах, кинжалы и прочее. А деревня Орловка — выше Кавказских гор, жители в зипунах, овчинах, кашемировых кистях: партизанский отряд. И называются эти бабы и мужики — «полк горных орлов». Пишу, не отрывая пера». Но осуществить этот замысел Бажов не успел.

После того как белые разгромили партизанский отряд, Бажову снова приходится скрываться.

Барабинские железнодорожники достают ему документ. Теперь он становится страховым агентом Бахеевым, должен ездить и страховать от пожаров имущество. «Страхового агента» Бахеева направили работать на Алтай, в город Усть-Каменогорск. Жить стал Павел Петрович не в самом городе, а поблизости от него —

на Верхней пристани. «Страховой агент» горячо взялся за дело, все время разъезжал по районам и... организовывал партизанские отряды. Он работал в подпольной большевистской организации. Это была опасная работа, связанная с большим риском.

Собираются и крепнут партизанские отряды и в конце декабря разбивают белых и освобождают Усть-Каменогорск. Павел Петрович воюет вместе с партизанами, вместе с ними входит в город.

Над Усть-Каменогорском взвился красный флаг. Но успокаиваться рано. Враги еще не сдались. Здесь, на Алтае, особенно трудно молодой Советской власти. Совсем недалеко китайская граница, а за границей хоронятся недобитые белогвардейцы. Кругом в районах тоже неспокойно. То там, то здесь появляются банды, им помогают кулаки-богатеи. Бандиты зверски расправляются с теми, кто поддерживает Советскую власть.

И в такое-то тревожное время к Павлу Петровичу приехала семья.

Валентина Александровна долго и тяжело болела. Опасались, останется ли жива. Хорошо, что по соседству жил врач, Андрей Алексеевич Скворцов,— человек добрый и не из трусливого десятка. Не боясь белых, он стал лечить «большевичку»— жену большевика — и выходил Бажову.

— Ну, вот,— сказал доктор,— все опасности позади, теперь вам, голубушка, нужен только полный покой, длительный отдых и хорошее питание.

Валентина Александровна поблагодарила своего спасителя и только грустно улыбнулась в ответ на его распоряжения: «покой, отдых, питание...» Ни одно из этих условий не было выполнимо. И опасности для нее еще совсем не позади...

Едва поднявшись с постели, стала собираться в дорогу. Свой тайный план она уже давно продумала, как только получила первую весточку от Павла Петровича. Дорога эта длинная и опасная. Кругом еще белые. Отсюда, из Камышлова, колчаковцы ее тоже не выпустят. Ее пока оставили в живых, только как приманку: рано или поздно должен же явиться комиссар к своей семье (а то, что он был, так и не узнали, прокараулили). Нужно уезжать тайком, чтобы никто не знал. Потихоньку собрала детей, захватила самое необходимое. Племянница, работавшая медсестрой в госпитале, достала билеты на поезд.

В темноте вышли из дома, добрались до станции. Валентину Александровну от волнения била дрожь, руки тряслись, когда подавала кондуктору билеты. Ведь в любой миг ее могли задержать. Казалось, что каждый белогвардеец подозрительно смотрит на нее. «Да, да, вон тот, высокий, идет прямо к их вагону. Нет, прошел... Ох, скорее бы отправление!» Только когда тронулся поезд, вздохнула с облегчением...

Конечно, впереди долгий, неимоверно трудный путь в набитых людьми теплушках, пересадки, когда толпа с бою берет каждый вагон, сидение сутками на станциях... Нечем кормить детей. Вот они все трое сидят возле нее, как голодные галчата... А кругом белые... Ничего, она пройдет все трудности, все опасности, только бы пробиться к самому дорогому для нее человеку — к своему мужу, быть рядом с ним. Пусть трудно, но вместе... И люди, глядя на эту худенькую темноволосую женщину, которая в такое время куда-то едет с тремя ребятишками, как будто понимали и только качали головами: ну и ну! — И всегда находились такие, кто делился с ней хлебом, пускал переночевать — не замерзать же детишкам на улице,— помогал, чем мог. И добрых людей оказалось немало.

Долго длилось это тяжелое путешествие. Но все же добрались до Усть-Каменогорска. А уж как обрадовался Павел Петрович, как возился со своими малыми ребятишками! Только времени на это оставалось очень мало... Теперь у Павла Петровича было особенно много работы.

Как только освободили город от белых, Павла Петровича — «товарища Бахеева» — избрали членом ревкома, членом горкома, а потом и председателем уездно-городского комитета партии. Он заведует уездным отделом народного образования, руководит профсоюзной работой и еще редактирует газету. Газета называлась «Известия Усть-Каменогорского ревкома». Но для того чтобы издавать газету, нужно иметь типографию, а ее не было. При белых выпускалась в городе белогвардейская газетенка, но редактор ее, матерый белобандит, так ненавидел Советскую власть, что перед приходом красных утопил в Иртыше типографию, а дом сжег. Пропала типография. Лежит ценное оборудование где-то на дне и ржавеет. Но тут на помощь пришли старики, с которыми Павел Петрович всегда умел разговориться. Они-то, старые типографские рабочие, многое успели припря-

тать. Все собрали, достали и то, что было утоплено. Типография заработала полным ходом, газета стала выходить.

Отлично справился со своим партийным заданием «товарищ Бахеев».

А кругом все еще тревожно. Банды появляются даже у самого Усть-Каменогорска. Город нужно охранять. Поэтому каждую ночь коммунисты и все, кому дорога свобода и молодая Советская власть, берут винтовки и отправляются на ночные дежурства — кто охранять почту и телеграф, кто дороги и мосты, кто склады с продуктами... Уходил с ними нередко на всю ночь и Павел Петрович.

Его жена оставалась одна с детьми. Но она тоже не спала: в темноте сидела у окна, ждала Павла Петровича и волновалась за него: «Вернется ли живым...» А где-то раздавались выстрелы, далеко в горах слышались разрывы снарядов. Беспокойно лаяли собаки.

Валентина Александровна в это время не только заботилась о детях и о доме. Она организовала библиотеку и работала в ней, помогала создавать детские дома для детей-сирот, которых было очень много в ту пору. В клубе «Красная звездочка» организовался первый драмкружок. Валентина Александровна и главные роли играла, и суфлировала — что понадобится, то и делала.

Товарищи по работе постоянно заходили к Бажовым: то посоветоваться о самых разных делах, то взять книгу, то просто подкрепиться чашкой горячего чаю или отдохнуть перед трудным дежурством.

У Валентины Александровны дел было по горло. Но все это днем, а ночью — тревоги и тревоги.

Кроме всех своих должностей и нагрузок Павел Петрович часто выезжал в командировки по заданиям других организаций — то Упродкома, то ЧК — Чрезвычайной комиссии. Часто это было сопряжено с опасностью: налетают банды, кулаки помогают бандитам. Много было здесь богатеев, которые не хотели отдавать даже излишки хлеба, гноили его в ямах и амбарах в то время, когда в других местах люди умирали от голода. Особенно страшным был голод в Поволжье. Чтобы помочь голодающим, нужен хлеб. Поэтому и посылались в деревни и целые продотряды и отдельные уполномоченные. Враги часто зверски расправлялись с ними.

Где только не приходилось тогда бывать «Бахееву»,

в какие только переплеты он не попадал! Вот хотя бы Бухтарма... Река Бухтарма... Вытекая из ледников, несется она бурным потоком по узкой долине. А кругом тайга. Рядом граница... Богатые плодородные земли, богатые крестьяне. У всех много оружия. А советских войск всего один полк, и неоткуда ему ждать помощи: силы Красной Армии далеко и заняты на других фронтах; да и не добраться им по такому бездорожью. Трудная, очень трудная обстановка. Коммунистов небольшая горсточка. Трудно приходится приехавшему сюда по заданию «товарищу Бахееву». Кругом вооруженные люди, готовые поднять мятеж против Советской власти. А у него, у «Бахеева», оружие было? Да. Только это оружие не наган, не винтовка, оно гораздо сильнее. Это оружие — большевистское слово. При помощи его он вместе с местными коммунистами сумел найти подход к таежным бунтовщикам и строптивым казакам, сумел убедить их и повернуть в нашу сторону.

Павел Петрович оставил короткую запись о том, как крестьяне на далеких окраинах как бы взвешивали, что для них лучше: держаться за старое или пойти с большевиками. Так и названа запись: «Октябрь на крестьянских весах».

Бухтарминские коммунисты во главе с «Бахеевым» помогли перетянуть той чаше весов, на которой стояла новая жизнь. Они одержали победу. Дело кончилось тем, как рассказывает Павел Петрович, что, «оставив дома небольшой заслон против вылезавших время от времени белобандитов, бухтарминцы выделили значительную группу бойцов на Южный фронт. Три эскадрона природных кавалеристов на лучших алтайских скакунах в полном вооружении пошли с Бухтармы против Врангеля».

Радостный, довольный успехом вернулся домой Павел Петрович. Рассказывал, какими непроходимыми тропами пробирался, как встречали его бухтарминские казаки...

Но успокаиваться еще было рано: в любой момент могла прозвучать боевая тревога...

Самое ужасное событие произошло в городе Каркаралинске. Многие коммунисты из Усть-Каменогорска были посланы туда на работу. Однажды ночью, сняв сторожевые посты, в Каркаралинск ворвалась банда, которая двигалась в сторону границы. Бандиты, как звери, накинулись на спящих безоружных людей и вырезали не только коммунистов, но и всех, кто работал на Совет-

скую власть. Не пощадили даже самых маленьких детей...

Тяжело переживал Бажов гибель своих товарищей, своих боевых друзей.

...Шел 1920 год. Бажов переехал в Семипалатинск.

Опять днями и ночами работа. Опять ни минуты свободного времени. Ведь теперь он был избран в губернский комитет партии.

Бажов не оставлял работы, даже когда заболел малярией. Он сидел в своем губкоме до последней возможности. Если начинался приступ — сначала знобило так, что стучали зубы, потом бросало в жар,— он с трудом добирался до дома. Едва приступ малярии проходил, снова поднимался и шел на работу. Но как ни боролся Павел Петрович с малярией, как ни сопротивлялся, хворь все-таки окончательно свалила его с ног. Врачи сказали, что нужно немедленно менять климат, при такой болезни это самое верное средство. Как раз к этому времени пришел вызов с Урала. Уже давно Урал был освобожден от белых, и теперь уральцы звали Павла Петровича вернуться.

Обратный путь на Урал тоже оказался не из легких. Белогвардейцев разбили, кругом свои, но оставались еще такие враги, как голод, разруха, болезни. Поезда ходили плохо. Неделями приходилось сидеть на станциях. Ездили в товарных вагонах, тамбурах, на площадках. Так пришлось Валентине Александровне везти на Урал тяжелобольного мужа и троих малышей.

СНОВА НА УРАЛЕ

Павел Петрович, совсем слабый от малярии, в дороге заразился еще и тифом. Потом у него начался возвратный тиф, а потом — воспаление легких... Ему стало так плохо, что врачи не надеялись его вылечить. Целых полгода длилась тяжелая болезнь. Но нашелся такой врач, лучший из всех врачей, который вылечил Павла Петровича. Кто же этот врач? Конечно же это родной Урал с его лесами, озерами, смолистым целебным воздухом. Вот уж правильно говорится в поговорке: дома и стены

помогают. Так и вышло. Едва Павел Петрович поднялся на ноги, как запросился в лес. Хотя лес был совсем близко, но сам он еще не мог дойти. Приходилось его уводить и приводить. Целыми днями сидел в лесу Павел Петрович, слушал шум сосен, вдыхал запах смолы и земли. Он так соскучился по родному уральскому краю! Как с верным другом встретился он с ним. И этот друг помог ему, вернул силы. Скоро стал он ходить в лес уже самостоятельно, без посторонней помощи.

Как только Павел Петрович выздоровел, он стал редактором камышловской газеты «Красный путь».

Наступил 1922 год — пятый год Октябрьской революции. Седьмого ноября в праздничном номере газеты «Красный путь» напечатали передовую статью Бажова «В пятую годовщину».

Заканчивалась эта статья так:

«Итоги позволяют сказать на рубеже пятой годовщины: за пять лет Красный Октябрь победил в России, побеждает в Европе, и неизбежно близится время, когда он победит во всем мире».

Через год Павла Петровича вызвали в Екатеринбург и предложили работать в областной «Крестьянской газете». Ему поручили заведовать отделом крестьянских писем.

Таким образом, в 1923 году Бажовы всей семьей уезжают из Камышлова и снова поселяются в Екатеринбурге в своем доме.

Павел Петрович с головой ушел в работу. Через его руки проходили тысячи, десятки тысяч крестьянских писем. Он помогал селькорам — сельским корреспондентам,— которые писали из самых дальних уголков области. Эти сельские корреспонденты были малограмотными, писали заметки с ошибками, но они делали очень нужное и важное дело, потому что открыто писали о всяких неполадках в деревне, разоблачали кулаков-богатеев, вредивших народу.

Бажов много ездил по деревням, видел, как ломается в селе старое, темное и начинается новая жизнь. Эта жизнь рождалась в упорной борьбе. Это тоже был фронт. Старое не сдавалось без боя. Бедняки и середняки создавали колхозы, а враги, богатеи старались им навредить, поджигали дома, губили скот, убивали коммунистов, комсомольцев, селькоров. Ведь именно в те годы враги убили и Павлика Морозова, и Колю Мяготи-

на, и Олю Яналину, которые вместе со взрослыми боролись за новую жизнь. Кулаки страшились разоблачения своих преступных дел, как огня боялись газеты и поэтому зверски расправлялись с сельскими корреспондентами.

Такая работа увлекала Бажова, погружала в самую глубь жизни. Шла коллективизация — организовывались колхозы, коллективные хозяйства. Крестьяне не хотели больше по-старому, без машин, в одиночку обрабатывать свои полоски земли; они хотели работать вместе, завести машины, облегчающие крестьянский труд, стремились к новой жизни.

Обо всем этом они писали в «Крестьянскую газету». Сюда поступали рассказы и жалобы, самые разные просьбы. Можно представить, как любили крестьяне свою газету, если только в одном 1926 году редакция получила около 80 тысяч писем, больше двухсот в день. Недаром Бажов сравнивал поток писем с рекой: «...Это же краеведческая река! Мощная, полная красоты и неисчерпаемых стилистических, художественных и научных богатств. Течет она, блестя юмором, сверкая веселою рябью народного говорка...»

Работа в «Крестьянской газете» помогла Бажову стать писателем. Вспоминая эту пору своей жизни и простые искренние крестьянские письма, Павел Петрович отмечал, что «отдельные выражения запали на всю жизнь и, вероятно, попали в сказы».

Но не только письма обогащали Бажова знанием жизни. По целым месяцам жил он в разных селах и деревнях, выезжая туда в командировки. Дела было столько, что и вздохнуть некогда. Но тем не менее он вырывал свободную минуту, чтобы написать письмо домой. Вот одно из таких писем. Написано оно 12 апреля 1930 года.

«Валянушка, ну, я опять пока в Зайково. На днях будет в Скородуме собрание уполномоченных артели, мне придется дождаться этого собрания. А потом поеду в Чернорецкое, как предполагал. Уже сговорился с председателем артели — примерно после 15—16 направляюсь на недельку — может быть, и больше в этот район. Там кроме Чернорецкого придется, вероятней всего, поработать еще в Белослудском селе. Кстати, там, говорят, на пригорках скорее сохнет. Есть предположение перебросить туда трактора и начать пахоту неделей раньше, чем ожидают по райо-

ну. Очень бы хорошо получилось, если бы это удалось. Все-таки чуть не десятую часть пахоты можно бы возложить на машину. Вчера была проверка тракторов, оказались в удовлетворительном состоянии.

Меня все больше и больше начинает захватывать деревенская весенняя суматоха, тревога о погоде, от нее ведь зависит быстрота и успешность дела. Приближаются те горячие дни, о каких сложилось присловье: «О вешну за вицей в куст некогда»... Для успешной работы мне нужно лишь, чтоб у вас там все было как надо. Ну, всего хорошего. На улице шумят тракторы, прибыли новые! Целую крепко ребятишек...»

Помогать селькорам, учить и поддерживать их было необходимо. Этим и занимался Бажов.

В то неспокойное время Бажов по целым месяцам бывал в командировках.

Все, что происходило в деревне, в сельском хозяйстве, было тесно связано с теми огромными делами, которые свершались в нашей стране в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Первая пятилетка. Повсюду леса новостроек. Ведь нам необходимы свои тракторы, свои автомобили, свои станки и машины. А для этого нужно строить заводы. Дружно поднимается народ на выполнение грандиозных задач. Как первые ласточки, появляются первые ударники. В бой за уголь! В бой за металл! Люди совершают настоящие трудовые подвиги.

На Урале строятся Магнитка — Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский тракторный завод, Березниковский химический комбинат, Уралмаш...

«Сколько интересного принесли эти бурные кипучие годы! Какой богатый материал для журналистов, для писателей!» — думал Бажов. И обо всем хотелось писать «не отрывая пера».

В 1930 году П. П. Бажов расстается с «Крестьянской газетой»: его назначают начальником Уралобллита. Потом Бажов становится редактором Уралгиза — так называлось тогда книжное издательство. Много книг — политических, экономических, сельскохозяйственных, художественных — отредактировал он, многим авторам оказал большую помощь.

Только в 1937 году, когда он усиленно работал над сказами, Павел Петрович прекратил работу в издатель-

стве, да и то ненадолго — через несколько лет снова туда вернулся. Но об этом будет сказано позже.

Давно окончилась работа Бажова в «Крестьянской газете». Давно выучились и вышли на свою дорогу его селькоры, для которых он был первым учителем. Но даже через десятки лет с благодарностью вспоминали они Павла Петровича.

Бывший селькор Трубин, получивший образование и ставший директором школы, писал своему первому учителю:

«Семнадцать лет тому назад Вы в помощь редакции газеты «Красный путь» учили нас, приехавших из камышловских деревень, учили, как писать и о чем писать.

Я твердо уверен, что еще многие начинающие писатели и журналисты будут Вами воспитаны, а «Малахитовая шкатулка» будет учителем и наших детей.

Трубин. Печеркинская школа».

Журналистами стали селькоры Ефим Филистеев, Герасим Юрин, Михаил Букин, Иван Семенов и многие другие. Все они по праву считают своим учителем Павла Петровича Бажова.

С особой теплотой вспоминает своего первого учителя бывший селькор Павел Соломеин. Совсем мальчишкой; только что выпущенным из детской трудовой колонии, в шинели колониста, пришел он впервые к Бажову в редакцию «Крестьянской газеты». До этого поступали только заметки, которые он писал. Но теперь написали про него. Его обвиняли в хулиганских поступках. Обвинение серьезное. Сурово встретил его Бажов. Говорил с ним строго и прямо. Но в то же время поверил в него. В этот миг решалась судьба мальчишки: он собирался ехать с дружками неизвестно куда и неизвестно зачем. Павел Петрович устроил его на работу у себя в редакции — в отдел писем, поместил в общежитие. Потом помог поступить учиться на рабфак — рабочий факультет. Таких факультетов в первые годы Советской власти было создано много, для того чтобы поскорее приготовить рабочую и сельскую молодежь к высшей школе. Совсем по-другому повернулась жизнь мальчишки. Он выучился, стал журналистом, редактировал газеты, написал несколько книг, в том числе самую первую книгу о Павлике Морозове — «В кулацком гнезде», позже она вышла под названием «Павка-коммунист».

Павел Соломеин бывал в домике Бажовых и тогда, когда Бажов стал знаменитым писателем. Не изменился Павел Петрович, не забыл своих воспитанников, не перестал интересоваться их делами.

Последний раз Соломеин зашел к Павлу Петровичу в июле 1949 года, за год до смерти писателя. Разговаривали долго. Павел Петрович всем интересовался, обо всем расспрашивал. «В полночь я простился со своим учителем и наставником, — вспоминает Соломеин.— Ночь была теплая, звездная, тихая. Хотелось пройтись пешком по городу, подумать обо всем, что сказал этот мудрый человек. Ведь каждая беседа с ним расширяла кругозор, как ни одна прочитанная книга».

ПЕРВЫЕ КНИГИ

Ребята-читатели часто спрашивают:

— Трудно стать писателем?

Да, трудно. Писательский труд кроме литературных способностей требует упорства, трудолюбия, разносторонних знаний. Как в любой другой работе, писательское мастерство тоже приходит не сразу. Не сразу приходят и удачи.

Неодинаково складываются писательские судьбы. Одни писатели напишут первую книжку, и тут же приходит к ним успех. Другие не сразу выходят на большую литературную дорогу, а постепенно.

Не с первой книжки пришла удача и к Павлу Петровичу.

В камышловской газете «Известия» он писал фельетоны и подписывался — «Обозреватель». Потом в «Окопной правде» появляются его боевые, злободневные материалы.

После гражданской войны Бажов снова работал в газетах — в Усть-Каменогорске, в Камышлове, в Екатеринбурге, а позже в Свердловске. Одной «Крестьянской газете» отдано семь лет. Множество очерков о расцветающей новой жизни было написано в те годы. Очерки, статьи и заметки подписывались разными вымышленными именами-псевдонимами: П. П. Старозаводский, Деревенский, Днева, Чипонев (читатель поневоле), П. Осинцев (это была фамилия его матери).

В 1924 году вышла первая книга Бажова. Эта книга называлась «Уральские были». В ней рассказывалось о том, как жили до революции люди на сысертских заводах.

После «Уральских былей» появилась книга Бажова «К расчету». В ней говорилось о забастовках сысертских рабочих в 1905 году.

Книга «За советскую правду» вышла в 1926 году, это книга о сибирских партизанах, о том, как Бажов вместе с ними воевал с белыми в таежной глуши Томского урмана.

В книге «Бойцы первого призыва» рассказывается про славный полк «Красных орлов», про его боевой путь, победы, про смерть одного из любимых командиров — Жукова, про то, как создавалась газета «Окопная правда». В книге много интересных фотографий, но есть там один снимок, который вызывает особый интерес.

Полк одержал большую победу и награжден знаменем. У знамени сфотографирован знаменосец Овсянников и молодой красноармеец. А в середине — юный пулеметчик полка, совсем мальчик. Ну кто бы сказал, глядя на этого мальчика, что это будущий Маршал Советского Союза — Филипп Иванович Голиков.

Книга «Формирование на ходу» посвящена истории родного брата полка «Красных орлов» — Камышловского полка. Их не зря называли братьями: они действительно были как братья, помогая друг другу в минуту опасности. В первой главе этой книги говорится про отряд Хохрякова, который хотя и не вошел в состав полка, но его выступление из Камышлова еще в июне 1918 года, его героический рейд помогли формированию не только Камышловского, но и других полков. Сам Хохряков сражался по соседству на Режевском фронте. 17 августа он был смертельно ранен из пулемета. Бажов так описывает последние минуты его жизни:

«Захватив рану бинтом, он смог лишь сказать:

— Держитесь крепко... командир Матвеев... В Нолинске... В деревне... жена... сын... Выучите сына... матросом... командиром... все можно будет... Не сдавайте позиции.

Так умер командир штаба Красной гвардии, матрос «Зари Свободы» Павел Данилович Хохряков, один из преданнейших работников партии».

Впоследствии обе книги о гражданской войне были

объединены и вышли вместе под названием «Бойцы первого призыва» (1958 г.). В 1930 году вышла книга «Пять ступеней коллективизации» — о том, как создавались колхозы. Все это книги исторические, документальные, строгий, правдивый рассказ о событиях. Но такие произведения могли написать и другие писатели.

А вот когда Бажов написал свои сказы, всем стало видно, что появился писатель особенный, самобытный, что он свою золотую жилу нашел. Бывает, что человек ищет в земле золото и много породы переберет, а потом вдруг блеснет та самая золотая жилка.

Бажов всю жизнь изучал уральское народное творчество — предания, сказки, легенды, песни. Еще в юности он занимался этим во время каникул.

Вернувшись в Екатеринбург (так назывался наш город до 1924 года, когда его переименовали в Свердловск), Павел Петрович при первой возможности приступил к своему любимому занятию. Теперь у него нашлись помощники — подросли дети,— и он вместе со старшими ребятами отправлялся пешком по старым уральским заводам. Побывал и в Полевском, и в Северском, и в Сысерти.

Поэтому, когда в Свердловске решили издать книгу уральских преданий, песен, сказов, частушек, Павел Петрович живо на это откликнулся. Стал разбирать свои записи, из тех, что удалось сохранить...

Раньше им было собрано целое богатство. Но когда белые захватили Екатеринбург, бажовская библиотека была разграблена. Вместе с книгами погибли и тетради ценных записей. Многое пришлось вспоминать, восстанавливать, пытаться записывать снова. Но тем не менее скопились сокровища, которые не хотели больше лежать, которые подталкивали Павла Петровича заняться уральскими сказами. Ведь все это было ему знакомо и дорого с детства.

Да, это сверкнула его настоящая золотая жилка!

ДЕДУШКА СЛЫШКО

Дедушка Слышко... Ну кто же из уральских ребят его не знает! Это он рассказывал полевским мальчишкам

на горе Думной чудесные сказы, это с ним подружились они тогда. И дружба продолжается, хотя прошло с той поры примерно семьдесят пять лет.

Когда сысертского мальчика увезли учиться в Екатеринбург, он с нетерпением ждал каникул и тосковал по дому. Сначала он приезжал на каникулы в Сысерть, потом родители переехали в Полевское. Здесь-то и произошла встреча со стариком Хмелининым, которая оказалась такой важной в жизни Бажова.

Конечно, много преданий, сказов, поговорок, присловий будущий писатель слышал и дома — от отца, матери, бабушки. Они были хорошими рассказчиками и в разговоре часто пользовались остроумными уральскими поговорками.

Но было бы неправильным считать, что только дома почерпнул писатель тот материал для своих сказов, что хранился у него в памяти почти пятьдесят лет. Сам Павел Петрович предостерегал от этого. Он говорил, что в семье слышал во много раз меньше, чем в окружающей рабочей среде.

В детстве Бажову довелось провести в Полевском три года. Это были 1892—1895 годы. Маленький домик, в котором жили Бажовы, стоял за рекой, поблизости от горы Думной. Как не похож теперешний город Полевской на Полевское тех лет! Не было ни корпусов криолитового завода, ни сверкающих огнями домов соцгородка... Только пустынное холмистое поле старого Гумешевского рудника да заводской поселок. А дальше леса, леса, леса... Еще гора Думная... На горе — будка с колоколом.

«Пойдем на гору сказки слушать»,— позвал однажды Пашу Бажова один из его новых полевских товарищей.

— Сказки? Что я, маленький?

— Пойдем! Сегодня на караулке дедушка Слышко стоит. Он занятно сказывает. Про девку Азовку, про Полоза, про всякие земельные богатства...

«Об Азовке и Полозе, о кладоискательских приметах и всяких земельных богатств мне уже не раз приходилось слышать,— вспоминает Павел Петрович.— Но все это было как-то не по-настоящему, без начала, без конца. Послушать об этом заново показалось интересно. Пошел с товарищем на гору и с той поры стал самым ревностным слушателем дедушки Слышко. Из игр потом

вечерами выходил, чтобы не пропустить дежурства этого заводского сказителя».

Так состоялось знакомство юного Бажова с Василием Алексеевичем Хмелининым, которого ребята звали просто дедушкой Слышко.

Павел Петрович так рассказывает о тех памятных летних вечерах в Полевском, когда он с друзьями слушал затейные сказы Хмелинина.

«На плотине «отдали восемь часов». То же повторилось на колокольне. Третья очередь — Думной горы.

Дедушка Слышко уже забрался на невысокий помост и ждет, когда замрет вдали последний звук. Потом размеренно бьет в колокол и приговаривает:

— Знай наших! Тонко да звонко и спать неохота...

Отбив, не спеша сходит с помоста, усаживается на крылечке караулки и начинает набивать свою «аппетитную».

Самое спокойное время... В эти часы дед что-нибудь рассказывает. Но если попросит кто сказку, он всегда поправит:

— Сказку, говоришь? Сказка — это, друг, про попа и попадью. Такие тебе слушать рано. А то вот про курочку-рябушку да золото яичко, про лису с петухом и протча. Старухи маленьким сказывают. Ты, поди, опоздал такие слушать, да и не умею я. Кои знал и те позабыл. Про старинное житье — это вот помню. Много такого от своих стариков перенял, да и потом слыхал. Тоже ведь на людях, поди-ка, жил. И в канаве топтали, и на золотой горке сиживал. Всяко бывало. Восьмой десяток отсчитываю. Это тебе не восемь часов в колокол отбрякать! Нагляделся. Наслушался. Только это не сказки, а сказы да побывальщины прозываются. Иное, слышь-ко, и говорить не всякому можно. С опаской надо. А ты говоришь — сказку!»

В поселке Хмелинина считали весельчаком и балагуром, но в то же время человеком, хорошо знающим все пески в селе, где золотишко водится. Всю жизнь старый сказитель гнул спину на рудниках и золотых приисках. На своей шкуре испытал тяжкую жизнь горняков и старателей старого Урала, знал, почем фунт лиха. Поэтому часто говорил в своих сказах о том, что сам видел и пережил. Вот почему в этих сказах живут рядом вымысел и правда. В сказах много «тайной силы» — Хозяйка Медной горы, Змеев-

ка, Полоз... Все они поступают как люди и делают все справедливо: хорошему человеку помогут, плохого — накажут. К плохим людям, злым, жестоким относятся, конечно, бары, заводское начальство. С ними-то и расправляется «тайная сила».

Почему же складывались такие сказы? Угнетенные и бесправные люди, которые от голода и непосильного труда падали и умирали прямо в забоях, выражали в сказах и гнев и надежду на счастье, на лучшее будущее. Сами они не могли тогда еще расправиться со своими угнетателями и поручали это «тайной силе»: чего хочется — в то и верится.

Павел Петрович с любовью и уважением вспоминает старика Хмелинина, доброго дедушку Слышко, высоко оценивает его мастерство, его талант, называет его настоящим художником. Никто в свое время не заинтересовался им, не записал его сказов. Малограмотные или совсем неграмотные рабочие не могли этого сделать, а заводские служащие держались так важно, что им и в голову не пришло бы слушать и записывать какого-то «неграмотного старичонку у караулки». Да и не по вкусу пришлись бы им сказы Хмелинина. Так и погибли бы эти талантливые хмелининские сказы, если бы не было среди его слушателей сысертского паренька, который жадно ловил каждое слово. Внимательно же слушал старика этот ясноглазый подросток, если через много лет сумел вспомнить то, что узнал от дедушки Слышко.

Вот что говорит об этом сам Павел Петрович Бажов:

«Память не в силах, конечно, донести полностью все то, что было слышано чуть не полвека назад. В лучшем случае сохранились остов сказа, его стиль, кое-какие имена, названия да некоторые наиболее запомнившиеся выражения. По этим вешкам сказы и воспроизводились. Помогло также некоторое знакомство с историей заводского округа, близость родного местного говора и свой жизненный путь, долгое время проходивший по тем же местам, где работал, жил и слагал свои сказы дедушка Слышко».

П. П. Бажов был человеком необычайно скромным и в жизни, и в творчестве. Свое вступительное слово к сказам он заканчивает так:

«Хотелось бы, чтобы эта запись по памяти хоть

в слабой степени отразила ту непосредственность и увлекательную силу, которыми были полны сказы, слышанные у караулки на Думной горе».

Павел Петрович скромно говорит, что он будто бы только записал сказы Хмелинина. Нет, сказы Павла Петровича Бажова — это совсем не простая запись или обработка того, что он слышал. Это произведения большого, талантливого, настоящего художника. Можно сказать так: все слышанное Бажовым — это фундамент, на котором он построил новый добротный дом невиданной красоты. И стоять этому дому века...

ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был добрый волшебник. У него была пушистая белая борода и живые, необыкновенно лучистые веселые глаза. И когда он ходил по городу, его сразу узнавали — это наш Бажов! Слово «наш» часто добавлялось к имени писателя.

Люди его так любили, что произносили с гордостью:

— Наш Бажов!

Ну, а почему волшебник? Он что, действительно занимался колдовством, как старик Хоттабыч? Нет, конечно. Это было волшебство писателя, который смог написать великолепную книгу «Малахитовая шкатулка».

Писатель склоняется над столом. Перед ним лежат стихи. Их написал мальчик Ю. Фрадлин. С теплой задумчивой улыбкой перечитывает Павел Петрович строки:

Стекла вспыхнули в оконце
И горят порой.
Полевское. Гаснет солнце
За Азов-горой.
Вечер. Но упрямо тлеет
Солнечный костер.
В небе розовом темнеют
Силуэты гор.

Ветер чуть шуршит листвою.
И шумит завод.
Будто новь со стариною
Разговор ведет.
Что стоишь, Азов, угрюмо,
Что листвой шумишь?
Иль, быть может, занят думой,
Ты о чем грустишь?
А твои леса густые
Много тайн хранят...
Есть в них клады золотые,
Люди говорят.
Помнишь ты один на свете,
Кто здесь раньше жил.
Ты, Азов, о кладах этих
Людям расскажи.
Величаво и сурово
Смотрит вниз Азов.
И во мраке слышны снова
Голоса ветров.
Ветры воют, грусть наводят,
Стихнут на заре.
Вместе с ветром сказы ходят
Об Азов-горе.

Везде и всюду, в любом деле Павел Петрович ценил прежде всего любовь к труду. Он глубоко уважал талантливых рабочих умельцев и сам работал, как старый уральский мастер, терпеливо оттачивая каждую фразу, каждое слово. Потому и засверкала его книга всеми гранями, словно камень-самоцвет.

Первые сказы «Малахитовой шкатулки» появились в 1936 году.

В сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале» впервые напечатали первый сказ Бажова «Дорогое имячко», а также сказы «Про великого Полоза» и «Медной горы Хозяйка». На них сразу обратили внимание, о них заговорили.

Но прежде чем сказы приходили к миллионам читателей, автор знакомил с ними своих первых слушателей — семью. В день годовщины свадьбы уже седой писатель принес в подарок жене сказ.

С особой теплотой вспоминает это Валентина Александровна:

«Помню, в день нашей серебряной свадьбы, в саду, под липой, Павел Петрович в кругу семьи прочел сказ «Медной горы Хозяйка». Мы были первыми его слушателями».

С той поры так и повелось: каждый новый сказ Павел Петрович читал прежде всего своим близким.

Появление книги сказов «Малахитовая шкатулка» стало большим событием в литературе. Радостно встретили ее миллионы читателей. «Малахитовая шкатулка» — это труд всей жизни писателя, его главное произведение, главная книга.

— Нужно понимать труд как творчество,— говорил на первом съезде писателей А. М. Горький. В июне 1936 года Алексей Максимович умер. Не пришлось ему прочитать сказы Бажова. Но можно представить, с какой радостью встретил бы Горький появление «Малахитовой шкатулки», полностью выполняющей его наказ. Ведь это книга о радости труда, о мастерстве, о большом человеческом счастье.

В одном из самых любимых народом сказов — «Живинка в деле» (1943 г.) — очень ярко выражена мысль о том, что в каждом деле должна быть живая душа. Нужно только найти эту живинку.

Герой сказа — Тимоха Малоручко — «придумал всякое здешнее мастерство своей рукой опробовать» и «в каждом деле до точки дойти». Осуществить это не просто, потому что «по нашим местам ремесло, известно, разное. Кто руду добывает, кто ее до дела доводит. Золото моют, платинешку выковыривают, бутовый да горновой камень ломают... Кто опять веселые галечки выискивает да в огранку пускает. Лесу валить да плавить приходится немалое число. Уголь тоже для заводского дела жгут, зверем промышляют, рыбой занимаются. Случалось и так, что в одной избе у печей ножи да вилки в узор разделывают, у окошка камень точат да шлифуют, а под полатями рогожи ткут. От хлебушка да скотинки тоже не отворачивались. Где гора дозволяла, там непременно либо покос, либо пашня. Однем словом, пестренькое дело, и ко всякому сноровка требуется, да еще и своя живинка полагается».

Вот сколько профессий оказалось перед Тимохой, и всеми нужно овладеть.

«Много перепробовал Тимоха заводского мастерства и нигде не оплошал. Не хуже людей у него выходило».

А потом попал Тимоха в ученики к углежогу — деду Нефеду. Дед принял его, но с условием: «От меня тогда уйдешь, как лучше моего уголь доводить навыкнешь».

И только тут, работая с дедом Нефедом, Тимоха понял, что такое настоящее мастерство, понял, что все, чем он занимался раньше, было простым ремесленничеством и потому не увлекало, не захватывало его. Именно поэтому не полюбил он ни одну работу. Почему же так получилось? Дед Нефед поясняет, что вышло так потому, «что ты книзу глядел,— на то, значит, что сделано...»

Но Тимоха упорно и настойчиво добивался успеха. И наконец добился: уголь у него стал получаться лучше, чем у самого Нефеда. И Тимоха навсегда становится углежогом. Он полюбил по-настоящему свое дело и стал по наказу деда Нефеда глядеть не вниз, а «кверху — как лучше делать надо», стал совершенствовать свое мастерство, вкладывать в него всю душу, искать ту самую живинку, которая во всяком деле есть, которая «впереди мастерства бежит и человека за собой тянет».

Вспомним сказ «Иванко-Крылатко» (1942 г.). Вырезал Иванко на златоустовской булатной стали крылатых коньков. И вышли коньки как живые. Взглянешь на них, и кажется, что летят они по воздуху. Почему же пришла такая удача простому парню? Почему заткнул он за пояс важного хвастливого иностранца? Потому что работал с любовью, вот и стал настоящим мастером. Потому и прозвали его Иванко-Крылатко.

Настоящий мастер волнуется за свое дело, старается сделать его лучше, найти что-то новое, всегда стремится вперед. Если же человек остается равнодушным, ничего не ищет, не открывает, работает с холодной душой, пусть даже старательно,— он не творец, а ремесленник. Иванко-Крылатко и мастер Штоф это убедительно доказывают. А чтобы стало еще яснее, возьмем простой пример из жизни. Зайдем в картинную галерею или просто возьмем альбом репродукций картин знаменитых художников. Посмотрим, как изображено море, например, у Айвазовского. Мы видим и прибой, и оттенки всех цветов воды, и догорающий закат; и все это кажется таким живым — так бы и бросился в пенистый прибой, так бы и нырнул под волну. И мы понимаем, что эту картину создавал настоящий художник, мастер, который вложил в нее свою душу. А теперь посмотрим копию

этой картины. Здесь уж вам не захочется броситься в пену прибоя. Это же холст, а не море. И мы сразу понимаем, что это рисовал не художник, не настоящий мастер. Картина может быть на первый взгляд и неплохой, и все будет на своем месте, и краски хорошие, но в ней не будет души, живинки, и, следовательно, эта картина — не произведение искусства и создавший ее человек — не художник, не мастер. Павел Петрович Бажов не сделал бы его героем своих сказов, как Иванку или Данилку.

Именно об этом, когда внешне все гладко, когда все как будто и складно и ладно, говорит Данила-мастер в сказе «Каменный цветок» (1937 г.): «То и горе, что похаять нечем; гладко да ровно, узор чистый, а красота где? Вон цветок, самый что ни на есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. Ну а эта чашка кого обрадует?»

Нет, не доволен мастер своей работой. Он хочет создать такой каменный цветок, чтобы он был как живой. И он добивается, мучается, ищет... Он пытается повторить природу, но из этого получается только жалкая копия, все равно что перевести картинку при помощи копировальной бумаги. Сделал Данила чашу, как у дурман-цветка, а не то... «не живой стал цветок и красоту потерял...». И идет Данила за помощью, за подсказкой к Хозяйке Медной горы, просит показать каменный цветок. Показала Малахитница чудесный цветок. Посмотрел Данила. Но не помогло это мастеру. Разве подсказка поможет? Нужно уметь видеть по-своему. И когда молодой камнерез понимает это, он безжалостно разбивает малахитовую чашу, над которой так долго работал, и идет учиться заново. Показать показала Хозяйка Медной горы Даниле чудесный цветок, а делать нужно самому. В том-то и суть, что и «тайная сила» в сказах Бажова помогает лишь самым хорошим, самым честным и трудолюбивым людям, но даже за них сама работу не делает — работать должны люди.

Так, например, в сказе «Малахитовая шкатулка» (1937 г.) Медной горы Хозяйка дарит Танюшке волшебную пуговку: «Прими-ко, доченька, от меня памятку,— говорит она,— как что забудешь по работе, либо трудный случай подойдет, погляди на эту пуговку. Тут тебе и ответ будет».

И пуговка помогает девушке: она показывает ей

новый диковинный узор, яркие краски, но вышивать должна сама Танюшка.

Давайте вспомним другой случай. В сказе «Медной горы Хозяйка» Малахитница помогает молодому рудокопу Степану. Она раскрывает перед ним недра и показывает все земные богатства. Но добывать эти богатства должен человек, сам Степан. Он ведь знает теперь, что и где в горе лежит — Хозяйка Медной горы наградила его знаниями. И это помогает ему найти ту малахитовую глыбу, за которую его должны освободить от цепей и отпустить на волю. Вот какой дорогой клад для человека знания! А это важно в жизни, и мы видим, как фантастический сказ связан с настоящей жизнью и даже с нашей современной.

Щедро наградила Малахитница Степана. Она подарила ему чудесные драгоценности, которые так ярко сверкали, что даже в избе становилось светло. Когда их надевает дочь Степана, Танюшка, они горят веселым блеском, радуют и даже греют девочку. Но не все могут их носить. Попробовала было барыня нацепить на себя — ничего не вышло, серьги чуть мочки ушей не оторвали. Эти драгоценности может носить только тот, кто заслужил, только по справедливости. Они и в руки-то не всякому даются. Попытался вор украсть подарок Малахитницы, выждал, когда Танюшка одна была дома, и забрался в избу с топором. Взглянул на драгоценности — топор уронил, глаза руками закрыл и кричит: «Ой, батюшки, ослеп я! Ой, ослеп!» Так и не удалось вору чужим добром поживиться.

В сказах о мастерах писатель познакомил нас с Хозяйкой Медной горы, с горными мастерами, которых она обучала, с ящерками. В новых сказах появляется Великий Полоз — огромный змей, во власти которого все золото, дочки Полоза — Змеевки, бабка Синюшка, которая охраняет колодец с камнями-самоцветами, Голубая змейка, Огневушка-Поскакушка, козлик Серебряное Копытце. Они помогают людям, которые ищут руду и золото, работают в рудниках и на приисках. И часто «тайная сила» даже советуется с такими заводскими знающими стариками, как Семеныч в сказе «Про Великого Полоза». Припомним этот сказ.

«Изробленный» в горе, позеленевший под землей и потерявший последние силы Левонтий стал ненужным, и его «отпустили на вольные заработки», а попросту

говоря, выгнали на все четыре стороны. И вот, чтобы не пойти собирать куски, просить милостыню, он вместе со своими ребятишками-малолетками пытается искать в земле золото. Но эта работа ему уже не под силу, а дети совсем малы. Мучился, мучился Левонтий, но добыл такую малость, что и на хлеб не хватит. Делать нечего, пошел сдавать свою крошечную добычу, а ребят оставил одних в лесу. Вечер наступает. Страшно. Тут-то и появляется старик Семеныч, связанный с «тайной силой». Семеныч, видевший на своем веку много горя и несправедливости, пожалел голодных ребятишек. Семеныч идет за помощью к Полозу — хозяину золота, и приводит его. Интересный разговор происходит у Полоза с дедом Семенычем. Полоз считает, что богатство портит людей, он опасается за судьбу ребятишек Левонтия и советуется со стариком: «А не испортим мы с тобой этих ребятишек?»

Семеныч стал сказывать, что ребята не балованные, хорошие, а тот опять свое: «Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются, так откуда только на их всякой погани налипнет».

Постоял, помолчал и говорит: «Ну ладно, попытаем. Малолетки, может, лучше окажутся. А так ребята ладненьки, жалко будет, ежели испортим. Меньший-то вон тонкогубик. Как бы жадный не оказался. Ты уж понастуй сам, Семеныч. Отец-то у них не жилец. Знаю я его. На ладан дышит, а тоже старается сам кусок заработать».

И Полоз помогает детям. Выходит, что с умным, справедливым человеком может считаться и «тайная сила». Семеныч говорит ребятишкам:

«Это и есть Великий Полоз. Все золото в его власти. Где он пройдет — туда оно и подбежит». А колышек, показывающий, где нужно копать, оставляет ребятам сам Семеныч.

Помогает молодым и другой бывалый старик — дед Ефим в сказе «Огневушка-Поскакушка» (1939 г.). Самое важное для старателей — знать, где искать золото. И дед Ефим учит:

«Слыхал, дескать, от стариков, что есть такой знак на золото — вроде маленькой девчонки, которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг,

а дальше все меньше и меньше и на нет сойдет. Выроешь эту редьку золотого песку — и больше на том месте делать нечего. Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдет».

В сказе «Серебряное Копытце» (1938 г.) мы знакомимся еще с одним стариком — Кокованей. Кокованя рассказывает сиротке Даренке, которую он взял к себе, о сказочном козлике Серебряное Копытце. Жадно слушает рассказ маленькая Даренка и просит старика взять ее с собой в лес:

«Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу».

И Кокованя, и дед Ефим, и Семеныч, и бабка Лукерья из сказа «Синюшкин колодец» связаны с «тайной силой». Они как бы служат посредниками между «тайной силой» и людьми, связывают сказку и жизнь. Они хранят и жизненный опыт, и всякие легенды, и предания. Рассказы их с удовольствием слушают и ребята-малолетки, и взрослые люди, потому что эти рассказы раскрывают красоту природы, радость труда, зовут узнавать новое, неизвестное.

Во многих сказах Бажова рассказывается о том, как борются рабочие против своих угнетателей, злых, жестоких бар, против несправедливости, как восстают за свое человеческое достоинство. Об этом говорится и в сказе «Две ящерки» (1938 г.), и в сказах «Марков камень» (1937 г.) и «Приказчиковы подошвы» (1936 г.).

Особенно ярко показана борьба крепостных рабочих в сказе «Кошачьи уши» (1938 г.). Герои бажовских сказов вышли из народа и неразрывно связаны с ним. Крепко спаяны они и между собой. Народ слит воедино, и в этом его сила. Такую силу не сломить.

Не зря когда-то Бажов проявлял такой интерес к Пугачевскому восстанию. Именно с ним связаны события сказа «Кошачьи уши».

По Уралу проносятся вести об Емельяне Пугачеве. Зашумел, зашевелился народ. Начальство принимает срочные меры, чтобы не допускать встреч рабочих разных заводов, старается изолировать их друг от друга, чтобы они не могли сговориться и действовать согласованно. На дорогах выставляются караулы, стражники хватают каждого, кто пытается пробраться из Полевского в Сысерть. И вот находится смелая девушка пта-

ха-Дуняха, которая идет на разведку. Ее выручают храбрость и хитрость. Девушка доходит до цели, узнает все, что нужно, и спешит домой, чтобы передать своим важные сведения. Наступает ночь. По дороге идти нельзя — там стражники, и Дуняха идет непроходимым лесом, но тут попадает в другую беду — ее окружают волки. Что делать? Не о себе в этот миг думает Дуняха, боится не смерти, а того, что не передаст важные сведения,— «столько узнала и даже весточки не донесет!» Но ее смелость и стойкость побеждают: она проходит и «страшный лес», и все опасности, возвращается к своим, чтобы поднимать народ на борьбу:

«Хватай барских-то! Прошло их время! По другим заводам давно таких-то кончили!»

Люди горячо откликаются на этот зов. Самые отважные и решительные поднимаются на борьбу и уходят в леса «правильную долю добывать». Уходит с ними и птаха-Дуняха.

Нельзя забыть обаятельный образ этой русской девушки, сильной и смелой, самоотверженной и скромной.

Читатели всех возрастов с увлечением читают сказы Бажова. Юные читатели особенно любят такие произведения, как «Огневушка-Поскакушка», «Про Великого Полоза», «Голубая Змейка», «Синюшкин колодец», «Серебряное Копытце»... Эти сказы часто издаются отдельными книжками, и написаны они были специально для детей. Ребята знают и любят и другие сказы Бажова, написанные для взрослых: «Малахитовая шкатулка», «Каменный цветок», «Ермаковы лебеди», «Приказчиковы подошвы», «Золотой Волос». Писатель как бы беседует со своими читателями о том, как много еще неоткрытых островов, ненайденных кладов, несделанных открытий. И все это должны сделать они, молодые. Некоторые сказы прямо так и заканчиваются:

«Глубокий, сказывают, тот Синюшкин колодец. Страсть глубокий. Еще добытчиков ждет» («Синюшкин колодец»). А в конце сказа «Травяная западенка» говорится так: «А по всему видать, есть она — травяная западенка... Вот кому из вас случится по тем местам у земляного богатства ходить, вы это и посмекайте».

А кому это следует посмекать? Конечно, молодым. К ним и обращается писатель.

Прямо молодежи адресован и сказ «Орлиное перо» (1945 г.). Но прежде чем говорить о нем, необходимо

вспомнить еще «Солнечный камень» (1942 г.) и «Богатыреву рукавицу» (1944 г.). Все эти три сказа посвящены самому дорогому для всех человеку — Владимиру Ильичу Ленину.

А еще раньше в сказе «Ключ земли» (1940 г.) народную думушку о таком человеке, который поведет народ «по правильному пути», выражает крепостная бабка Федосья.

В сказе «Орлиное перо» дело происходит «вскорости после гражданской войны», когда необходимо было налаживать разрушенное хозяйство; нужно было как можно скорее сделать страну культурной, а для этого «учиться, учиться и учиться», как завещал Ленин. Об этом говорится в сказе «Орлиное перо».

Много самоцветов нашел на своем веку горщик Кондрат Маркелыч. И вот пообещал он артели найти потерявшуюся жилку. Пообещать пообещал, а выполнить не может. Решил испробовать то, над чем раньше сам посмеивался: пустить заговоренную «притягательную» стрелку: куда упадет стрела, там и есть нужное место. Вдруг рядом оказался какой-то «проходящий»:

«Эх, дед, дед! — сказал он горщику.— Много пережил, а присловья не знаешь: то не стрела, коя орлиным пером не оперена». Послушался старик «проходящего» и бросил «в то место, где жилку ждешь», стрелу с орлиным пером. И вдруг ему стало «не то что все каменные жилки-ходочки, а и занорыши видно».

Что же это за волшебное перо? Под орлиным пером подразумевается наука, знания, которые помогают людям, делают их всемогущими, открывают им клады. А человек ушел и имени своего не сказал: спроси, мол, у внучка, он знает. И внучек назвал этого человека: Ленин. А старый горщик ответил:

«Верно, Мишунька. Ходит он по нашим местам... Уму-разуму учит. Чтоб не больно гордились своими крылышками, а к высокому свету тянулись. К орлиному, значит, перу».

Когда книга «Малахитовая шкатулка» вышла первый раз, в нее входило только четырнадцать сказов. В 1942 году появилась новая книга сказов Бажова «Ключ-Камень», а еще через год — «Сказы о немцах». И «Ключ-Камень» и «Сказы о немцах» Павел Петрович включил потом в следующие издания «Малахитовой шкатулки». Всего Бажов написал пятьдесят два сказа. По назва-

нию одного из самых чудесных сказов — «Малахитовая шкатулка» — писатель назвал всю книгу. Название получилось очень хорошим: в «Малахитовую шкатулку» можно было добавлять новые и новые «самоцветы» — включать в нее новые сказы.

Последний сказ Бажова «Живой огонек» написан в 1950 году. Павел Петрович не видел его напечатанным: сказ был опубликован уже после смерти писателя.

Догорел огонек жизни мудрого старого уральского сказочника...

Многие миллионы читателей хорошо знают книги Бажова. Они ценят эти книги за то, что в них живут светлые и гордые герои: горщики и углежоги, камнерезы и гранильщики, оружейники и старатели... Словом, простые рабочие люди, смелые, добрые, с золотыми руками и широкой русской душой, с настоящим русским характером. Они всегда стремятся вперед, не вешают нос от неудач, не ноют, не жалуются, не отступают перед трудностями. Они любят жизнь, любят труд, не гонятся за богатством, не терпят несправедливости.

Вот как наставляет бабка Лукерья своего внука Илью в том же сказе «Синюшкин колодец»:

«Ходи веселенько, работай крутенько и на соломке нехудо поспишь, сладкий сон увидишь. Как худых думок в голове держать не станешь, так и все у тебя ладно пойдет, гладко покатится. И белый день взвеселит, и темна ноченька приголубит, и красное солнышко обрадует».

Словами бабки Лукерьи этот наказ оставляет нам сам писатель. Хороший наказ. Он не устарел и сейчас, может пригодиться и большим и маленьким.

КТО НАПИСАЛ «ЗЕЛЕНУЮ КОБЫЛКУ»?

Два мальчика в библиотеке горячо поспорили.

— Ты что будешь брать? — спросил один.

— «Зеленую кобылку» Бажова,— ответил другой.

— А ее не Бажов написал.

— Как это не Бажов? А кто же, по-твоему?

— Колдунков, вот кто!

— Какой еще Колдунков, что ты выдумываешь! «Зеленую кобылку» написал Бажов.

— А я тебе говорю Колдунков. Сам не знаешь! У нас дома эта книжка есть. Старая-старая, еще когда мама была маленькой, ей в день рождения подарили. И на корке написано: Е. Колдунков. Понял?

— Ничего подобного!

Неизвестно, чем бы кончился спор, если бы в это время не вошла заведующая библиотекой — Галина Петровна. Узнав, в чем дело, она рассмеялась и сказала:

— А знаете, ребята, вы оба правы. Повесть «Зеленая кобылка» написал, конечно, Павел Петрович Бажов. Это очень интересная книга, у нас она нарасхват. Сначала эта повесть появилась в сборнике «Золотые зерна» еще в 1939 году, а через год вышла отдельной книжкой. И тогда действительно «Зеленая кобылка» была напечатана под фамилией Колдункова. Так что Миша совершенно прав. Очевидно, у его мамы сохранилось первое издание книжки. Такая придуманная автором фамилия называется псевдонимом. Но в данном случае псевдоним не просто придуман. Вот послушайте, как объясняет это сам Павел Петрович в одном письме.— Галина Петровна подошла к полке и достала небольшую книжку в светлом переплете. На обложке написано: «Л. Скорино. Павел Петрович Бажов». Галина Петровна открыла книжку и прочитала:

«Бажить — самое ходовое северное слово,— говорит П. Бажов,— означает — ворожить, но не угадывать, а предвещать, накликать. «Не бажи, себе не наворожи». Отсюда наше заводское, уличное прозвище — Колдунковы».

Вот почему и назвался Павел Петрович Егоршей Колдунковым. Так решился спор двух читателей.

В повести «Зеленая кобылка», так же как и в написанной много позже второй повести «Дальнее-близкое», Бажов вспоминает свое детство. Такие произведения называются автобиографическими.

«Зеленая кобылка» — одна из самых любимых книг наших ребят. Но и взрослые с удовольствием читают увлекательную книжку. Дело происходит в рабочем поселке Горянка. Трое ребят-«заединщиков» пошли рыбачить на дальний пруд. До пруда десять верст, но зато водятся крупные окуни. Рыба хорошо клюет на кузнечиков, которых на Урале называют кобылкой. Особенно ценится зеленая кобылка. Гоняясь за этой зеленой кобылкой, ребята основательно задержались. А когда воз-

вращались домой, угодили в облаву: стражники кого-то ловили в лесу. Раздавались выстрелы. Ребята бросились бежать. Темнота быстро сгущалась. Становилось страшно. И вот в чаще леса ребята набрели на раненого. Они, конечно, не знали, что это революционер-подпольщик, но зато отлично смекнули, что рабочие, которых заставили ловить этого человека, вовсе не хотят его поймать и погубить.

«Поставили — вот и стою. Что станешь делать!» — сказал ребятам один из выгнанных на облаву рабочих. От него же они услышали таинственное слово «политика», которое им уже приходилось слышать дома, но которое всегда произносилось шепотом. Сейчас это слово относилось к человеку, которого ловили. И вот ребята наткнулись прямо на него. Видят, что он ранен, не может идти, что ему нужна помощь. Ребята храбро лезут в темную холодную воду, под самым носом у стражников угоняют лодку и перевозят раненого в безопасное место. Их больше не пугает ни темнота, ни стражники, ни то, что ждет их дома. Они хранят свою тайну даже от отцов, пока не находят человека, о котором просил раненый. И рабочие спасают подпольщика.

Все это рассказано живо, интересно, читается так, что не оторвешься. Но главное все-таки не в этом случае, а в том, что писатель показывает жизнь в горнозаводском поселке, рабочую верность и дружбу, показывает, какой крепкой сменой отцам растут эти маленькие «заединщики». Впрочем, никто из них маленьким себя не считает: «Ведь мы не маленькие!» Каждому шел десятый год, все трое перешли в третье и последнее отделение заводской школы и стали звать друг друга на «ша»: Петьша, Кольша, Егорша, как работавшие на заводе подростки. Пора было помогать чем-то семье. И ребята всерьез принимаются за рыбную ловлю. Они не хотели быть в семье только едоками, они хотели вносить свой вклад, трудиться. Тем более что через год они окончат школу, и сразу начнется их трудовая жизнь. Поэтому и растут они крепкими, стойкими, выносливыми. Они любят природу, хорошо знают родные места, не теряются ни при каких обстоятельствах. Егорша, Кольша, Петьша очень дружны между собою. Все они изображены автором так ярко, что мы видим их живыми: вот сильный, неуклюжий крепыш Кольша, настоящий «медведко», вот выдумщик Петьша, «черный, большеголовый», а вот

простой и ласковый Егорша, который умеет свистеть так, что «большие против него не могут». У друзей все делается всерьез и на совесть. И хотя сейчас это просто мальчишки с мальчишескими играми и обычаями, нам становится ясно, какими вырастут эти «заединщики», как будут бороться за правду и продолжать дело, которое не успели завершить их отцы.

Повесть «Зеленая кобылка» написана очень ярко, красочно.

Когда читаешь эту книгу, невольно чувствуешь свежесть уральского леса, прохладу пруда.

А сколько в повести веселого, смешного, сколько забавных положений, народных прибауток, уральских поговорок и присказок!

Бажов замечательно знал русский язык, знал особенности уральского говора. Поэтому так богаты произведения Бажова и присказками, и пословицами, и поговорками. Откроем, например, книжку «Дальнее-близкое»: «Не к рукам кудель!», «Кто зевает — тот воду хлебает», «Казна — ведро без дна! Сколько ни сыплют, а толку нет», «Не больно подходит борову пухова шляпа», «У монастырок совесть по их одежке — черная», «Охота — не работа, хлеба не дает». Такие изречения оживляют произведение, помогают давать характеристики действующим лицам.

Меткие, запоминающиеся слова находит писатель, рассказывая о своих героях.

«Наши отцы жили не звонко»,— говорит он в «Зеленой кобылке».

Верно, живо и забавно описаны в книжке обычаи заводского поселка. Как сложно, оказывается, найти в поселке нужного человека, который должен помочь раненому подпольщику. У всех жителей оказывается по две фамилии: одна пишется, а другой зовут. Так было и у самого писателя, о чем мы уже говорили — Бажов и Колдунков. Вот и попробуй найди, кого нужно. Ну, кто же догадается, что Кожины по-настоящему — Тулункины!

Другой, чисто мальчишеский обычай держался долго и прочно. Он заключался в том, что мальчишки одной улицы враждовали с мальчишками другой. Когда раненый поручил ребятам отыскать слесаря Тулункина, оказалось, что он живет на «вражеской» территории — на Первой Глинке, с которой они давно враждуют. Тяжело

идти на примирение, но необходимость помочь революционеру заставляет. Мир заключается не просто.

«Мирились тогда у нас на «вскружки» — драли один другого за волосы. Вскружки были простые, сдвоенные, с рывком, с тычком, с поворотом, зависочники, затыльные до поясу, до земли. Сенька сперва сказал — пять простых. Смешно даже! Пять-то простых — это когда из-за пустяковой рассорки дело выходило, а тут другое: улицы мирились, да еще навсегда!

Выбрали для такого случая три самых крепких зависочника да пять затыльниц до земли, чтоб лбом в землю стукнуть.

Встали парами один против другого и начали выполнять уговор. Сначала они раз, потом мы, опять они...

Сенька из-за голубей и тут хотел поблажку Петьке сделать, да Петька закричал:

— Не в зачет! Сенька мажет!

Дальше уж пошло по совести. Драли друг друга за волосы так, что у всех стояли слезы на глазах. Нельзя же! Мирились не на день, а навсегда, да еще с разных улиц. Дешевкой тут не отделаешься!»

Они и не собираются. Они не такие. Они все делают по совести. Такими воспитываются они в крепких рабочих семьях, такими войдут они в большую жизнь.

СВОИ КРЫЛЬЯ

Если ребята найдут в классе тетрадь без подписи, они все равно узнают по почерку, чья это тетрадь. Когда книга напечатана, почерк в таком смысле слова уже не увидишь, но почерк писателя виден в том, как написана книга. У каждого настоящего писателя свой почерк, потому что он пишет по-своему. Книги Бажова никогда нельзя спутать с книгами других авторов — читатели сразу их узнают.

Дома или в библиотеке, а может быть, далеко в чужом краю мы берем книгу Бажова, открываем ее и как будто встречаемся со старым другом.

И картины уральской природы, и люди с твердым и честным характером, и народные выражения — все это делает произведения Бажова особыми, такими, что, даже

если совсем убрать слова «Урал», «уральский», все равно будет понятно, что это написано об Урале и именно Бажовым — замечательным уральским писателем.

Павел Петрович уважал тех писателей, которые тесно связаны с жизнью, которые пишут по-своему, а не с чужого голоса, не подражают другим. О таких писателях он говорил: «Крылышки хоть маленькие, да свои!»

Хорошо сказано, точно, метко.

У самого Бажова были не крылышки, а сильные, могучие крылья. На этих крыльях поднялась высоко его слава и улетела далеко за Урал. В разных городах и республиках печатались и печатаются его сказы. Их читают и украинцы, и белорусы, и башкиры, и узбеки... Они переводились на языки народов мира и печатались в самых разных странах. Книги Бажова напечатаны на английском и французском, на японском и корейском, на румынском, вьетнамском, немецком и многих, многих других языках.

Случилось как-то мне зайти к Бажовым, когда только что была получена книга сказов, изданная в Германской Демократической Республике. Павлу Петровичу было приятно видеть свои сказы, напечатанные на немецком языке. Было это в начале лета. Мы сидели возле открытого окна. Из сада доносился запах свежей зелени. Павел Петрович был в отличном настроении. Мы рассматривали рисунки в присланной книге. Они были очень занятными. Было видно, что рисовал их художник, не знающий Урала, старой жизни, русских обычаев. Например, рисунок к сказу «О Великом Полозе» был таким: сидят ребята у костра на берегу и едят уху, как это и должно быть. Но сидят они за маленьким столиком, а на столике приборы и чуть ли не салфеточки. Это вместо котелка и деревянных ложек! На другом рисунке вместо саней-дровен изображены дрова. Павел Петрович от души смеялся, но смех этот был добрым: он прекрасно понимал, что художник другой страны изображает так, как видит у себя.

Да что художник! Когда в военные годы наши уральские школьники делали рисунки к сказу «Каменный цветок» или «Приказчиковы подошвы», то приказчик изображался фашистом, а мастер Данило оказывался в форме танкиста или летчика. Ничего не поделаешь, время было военное, и такой хороший человек, как Данило, непременно должен был сражаться с врагом!

Тепло улыбался Бажов, рассматривая картинки. Они ему очень нравились. А потом он долго сидел, задумавшись. Очевидно, думал о новом сказе, который напишет для этих ребят, так верно понимающих его героев.

И еще, наверное, думал он о том, что сто́ит не спать ночей, сто́ит по нескольку раз переписывать каждую страницу своих сказов, если видишь, что слова твои, думы твои находят отклик в сердце читателей.

Правильными, хорошими и вечными словами оканчивается сказ Бажова «Чугунная бабушка»:

«Работа — она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется».

ПОЧЕТНЫЙ ГВАРДЕЕЦ

Год 1939 выдался для Павла Петровича памятным и удачным. В этом году вышла его «Малахитовая шкатулка», а также была напечатана повесть «Зеленая кобылка». В этом году был отпразднован день рождения писателя — его шестидесятилетний юбилей. Все шло отлично. Павел Петрович чувствовал себя бодрым, полным энергии, ему хорошо работалось. Новые сказы печатались в газетах и журналах.

Сороковой год тоже оказался творческим и удачливым: закончил прекрасный сказ «Хрупкая веточка» и подарил его читателям, впервые вылетели на печатные страницы «Ермаковы лебеди»... Делал доклад на вечере памяти Бондина. А сколько выступлений, выездов: в Москву — на смотр театров юного зрителя, в Тагил — на встречу с журналистами, в Красноуральск — по командировке «Уральского рабочего»... Да и сорок первый начался неплохо: закончил сказы «Таюткино зеркальце» и «Жабреев ходок», опубликовал очерк «Янкинские огни». В апреле поехал на конференцию в Москву. Там, в Москве, состоялся его творческий вечер. Вернувшись, успел съездить на Дегтярский медный рудник: там ставили спектакль «Каменный цветок». Да, все было очень хорошо...

Но вот светлым июньским утром 1941 года, на рассвете, когда люди еще крепко спали, на нашу страну напали фашисты. Они напали вероломно, без объявле-

ния войны. Многие в то летнее воскресное утро уехали в лес, на озера и еще не знали, какую страшную весть принесло радио. А другие в это время уже спешили в военкоматы.

Оборвалась мирная жизнь, мирные дела. Все для фронта — все для победы! Родина в опасности, нужно ее защищать. И на фронт уходили седеющие отцы, участники гражданской войны, и их дети, вчерашние школьники. Ушли на фронт и наши свердловские писатели: И. С. Панов, А. Ф. Савчук, Владислав Занадворов, Константин Реут, С. И. Шмаков, А. И. Исетский, старейший поэт Николай Куштум. Из них вернулись только двое: Н. А. Куштум и А. И. Исетский...

Павлу Петровичу Бажову в это время шел седьмой десяток. Он, конечно, не мог уже попасть на фронт.

В первые же дни войны Павел Петрович пришел в обком партии и сказал, что считает себя мобилизованным на любую работу, чтобы заменить тех, кто уходит защищать Родину.

Ему попробовали возражать:

— Что вы, Павел Петрович, ведь вы писателями руководите и самому писать нужно... Тяжело вам будет.

Но переубедить Бажова было трудно.

Его назначили главным редактором Свердловского издательства. В скором времени ему пришлось кроме всего редактировать и альманах «Уральский современник».

И все-таки уже через два месяца после начала войны, 21 августа, в «Уральском рабочем» напечатан сказ «Про главного вора», первый из «Сказов о немцах». Да, Бажов по-прежнему оставался воином. Он так же, как и раньше, бил врага оружием слова — своими выступлениями, статьями, своими новыми сказами. А сказы его были очень нужны и в суровые военные дни: ведь они говорили о силе русского народа, о его любви к Родине, о торжестве правды, они звали к борьбе за счастье.

Любили бойцы-фронтовики бажовские сказы. Множество писем с фронта приносила писателю почта. И какие это были письма! Ведь их писали во время коротких передышек между боями, в окопе, в блиндаже, в госпитале, у партизанского костра.

«Уважаемый товарищ Бажов!

Бойцы Карельского фронта шлют Вам свой боевой привет. Ваши книги «Сказы о немцах» и «Чугунная ба-

бушка» великолепны по своему содержанию и художественны. В нашем подразделении нет Вашей книги «Малахитовая шкатулка». Мы просим Вас прислать эту книгу.

В благодарность наши успехи будут еще больше и метче будем бить врага».

Солдаты брали на вооружение бажовские сказы и даже отдельные, особенно подходящие им сейчас выражения: «смелому случится на горке стоять, пули мимо летят, боязливый в кустах захоронится, а пуля его найдет». Так метко говорят старики в сказе «Кошачьи уши».

У погибших в бою фронтовиков находили «Малахитовую шкатулку», которую они читали перед боем. Если книга погибала вместе с бойцом, просили прислать новую.

«Мы пойдем с Вашей книгой на Берлин»,— писали бойцы Бажову.

От берегов Волги, где шли тогда невиданные бои, где стояли насмерть легендарные герои, летели на Урал фронтовые письма-треугольники, в которых говорилось: «Идя в бой с врагом, мы не расстаемся с Вашей замечательной книгой, с образами героев, борющихся за справедливость. Мы хотим, чтобы вы были нашим почетным гвардейцем, шагающим с нами вперед к окончательному разгрому врага — гитлеровских бандитов».

Уж если бойцы зачислили Бажова в гвардейцы, так нужно ли доказывать, что он оставался воином.

Павел Петрович держал тесную связь с фронтом, отвечал на письма:

«Дорогие наши воины, цвет и гордость нашего края!

Будьте уверены, что мы, оставшиеся в глубоком тылу, все, от малолетних детей до стариков, ежедневно, ежечасно, ежеминутно помним о вас, своих отцах, братьях, мужьях, сыновьях и внуках. Но не просто помним, как о родных и близких. Нет, мы ни на минуту не забываем о том, что вы там, на фронте, отстаиваете то самое великое и дорогое, без чего никому из нас нет жизни. Поэтому каждый из нас предельно напрягает свои силы и способности, старается помочь вам, защитникам человеческих прав, культуры и радости жизни.

Ваш Бажов».

Павел Петрович в это время печатался во многих фронтовых газетах. Он работал не покладая рук, писал

статьи в газеты, новые сказы, которые печатались и в «Уральском рабочем», и в «Красном бойце», и в «Правде», и во многих других газетах и журналах.

В 1943 году вышел из печати новый сборник «Сказы о немцах».

Но далеко не одной творческой работой занимался в те дни Бажов. Он выступал в воинских частях, в госпиталях, в клубах, колхозах, на заводах. А заводы в то время тоже были фронтом: ведь там готовилось оружие — танки, пушки, патроны — все, что нужно было воинам. Рабочие сутками не выходили из цехов. Когда уходили на фронт мужчины, их сменяли женщины, овладевая трудными мужскими профессиями. Работали подростки, почти дети, те, о ком написан ликстановский «Малышок». Урал ковал победу фронту. Это были очень суровые и тяжелые для страны годы.

И Бажов шел к рабочим, нес им свое горячее слово. И после его ухода рабочие долго еще вспоминали старого мудрого человека, его отеческие советы и еще лучше начинали работать. Крепко входили в жизнь бажовские слова «умельцы», «живинка в деле». И были они людям лучшей похвалой.

Еще с 1940 года Павел Петрович Бажов руководил Свердловским отделением Союза писателей.

Когда началась война, на Урал эвакуировались писатели и семьи писателей из Киева и Ленинграда, из Харькова и Москвы и других городов. У многих оказались разбомбленными дома, многие потеряли родных, даже детей. У Оксаны Иваненко — известной украинской писательницы — погиб на фронте муж. Она приехала на Урал с двумя маленькими детьми. Писатель-фронтовик Юрий Яковлевич Хазанович только что вышел из госпиталя после тяжелого ранения. Поэт Ефим Ружанский до последней возможности работал в окруженном врагами Ленинграде и потом буквально погибающим от истощения был вывезен через Ладожское озеро с женой и крошечным ребенком. Ребенок доро́гой умер.

Да, все они нуждались в помощи.

И Бажов старался помочь: одного устраивал на работу, другому находил жилье, третьему помогал отыскивать близких, четвертого помещал в больницу. Приходилось срочно доставать телогрейки, валенки. Первая военная зима оказалась необычайно суровой. А боль-

шинство эвакуированных приехали в летней одежде — в чем застала война.

Трудно было с едой, нужно было накормить всех — и свердловчан и приезжих. И все эти заботы легли на плечи Павла Петровича, сильно похудевшего, усталого, осунувшегося. В доме стоял холод. Старый бажовский дом требовал основательной топки. Дров не хватало. Особенно трудно пришлось в первую зиму. Холод, скудный паек, большая семья: в доме кроме своих всегда жили родственники с детьми. В кабинете стояла швейная машина, на которой Валентина Александровна усердно что-то перешивала, зашивала, ремонтировала, чтобы привести в порядок скромное обмундирование своей семьи. Под стук швейной машины работал Павел Петрович, уверяя, что это ему нисколько не мешает. Не о себе думал он в те дни, а о других, о людях, чьи судьбы были ему поручены. И работал, работал, работал... День, а часто и вечер уходили на работу в Союзе писателей, на встречи, собрания, выступления, хлопоты о других. Для себя оставалась ночь. До самой зари горел огонь в его кабинете. Павел Петрович писал.

Утром снова дела, хлопоты, беспрерывные телефонные звонки, волнения за товарищей, помощь людям. Эта помощь не ограничивалась заботами о житье-бытье писателей. Еще больше заботы проявлял Павел Петрович о писательской работе, о том, кто и что пишет, как это получается, что ему нужно посоветовать, чем помочь. И опять Бажов становится внимательным, добрым и строгим учителем. Только раньше он читал школьные сочинения, а теперь — рассказы, повести, очерки, пьесы. Множество такого материала каждый день поступало на имя Бажова. Авторы рукописей совершенно разные: присылались и совсем еще слабые первые рассказы, и стихи начинающих, и новые произведения писателей, написавших уже много книг. Для всех находил Бажов простой и мудрый совет, доброе и нужное слово. Поэтому и запоминались многие его слова и советы.

Павел Петрович огорчался и сердился, когда замечал, что автор плохо знает то, о чем пишет, поленился добросовестно изучить материал. Здесь уж Бажов просто требовал «более глубокого изучения предмета».

Бажов часто говорил о деталях в произведении, о так называемых мелочах, которые на деле оказываются

совсем не мелочами, потому что оживляют произведение, запоминаются, сразу характеризуют героев. «Не менее важно,— подчеркивал Павел Петрович,— повернуть свои мысли в сторону тех пустяков, которыми ты, как я заметил, пренебрегаешь». По этому поводу Павел Петрович частенько напоминал нам один старый, но поучительный случай, связанный с работой художников:

«Бюст фавна был выполнен отлично, но когда художник выломал у этого фавна один зуб, скульптура выиграла не вдвое или втрое, а совершенно неизмеримо, так как она ожила».

Бажов не любил в произведениях растянутости. Он писал одному своему другу:

«...Не люблю длинных вещей. Мне кажется, они похожи на товарный поезд. Первый десяток вагонов при встрече пропускаешь с удовольствием, с любопытством, дальше полоса безразличия, а еще дальше думаешь, когда же это кончится...»

У самого Павла Петровича в сказах не было ничего лишнего. Поэтому он и нам упорно советовал не скупиться на сокращения: «Все лишние слова, все «не стреляющие ружья» и попутные рассуждения выбрасывайте самым безжалостным образом».

Павел Петрович всегда предупреждал о необходимости серьезно учиться, упорно работать над собой:

«*Милый юноша!*— писал Павел Петрович Виктору П. из города Ревды.— *Письмо получил и со стихами ознакомился. Не буду разводить дипломатических речей; скажу прямо — стихи мне не понравились. В них чувствуется и ум, и свежесть, но все это становится прямо смешным из-за нескладной и неумелой формы. Обычно стихи или рассказы посылают в редакции журналов, издательств, газет, но Ваши еще никуда посылать не советую. Это не более как упражнения предварительного порядка. Даже консультировать такие нельзя. Надо просто рекомендовать учиться и учиться!*

...Не сбивайте себя и тем, что некоторые из наших величайших поэтов выступали совсем мальчиками. Ставить себя в одну меру с гениями, во-первых, нельзя, а во-вторых, они воспитывались в другой обстановке и обучались не в общей школе, а в одиночку, что, разумеется, одаренному мальчику давало больше возможностей. Если, например, Лермонтов совсем еще мальчиком написал стихотворение «По небу полуночи...»,

то не следует забывать, что в это время он уже владел тремя языками, чего при общей учебе не достигнешь и кончивши высшую школу.

Пушкина мы справедливо называем нашим национальным гением, но нельзя забывать и того, что он был образованнейшим человеком своего времени, умевшим отзываться на вопросы современности почти во всех ее областях. Отсюда один вывод — учиться. Без образования, приобретенного в школе или в жизни, не может быть писателя».

Хорошим, вдумчивым учителем был для нас Павел Петрович Бажов. Жаль только, что мало мы записали и сохранили в памяти его советов и высказываний. Сколько раз приходилось возвращаться вместе после наших писательских собраний по тихим ночным улицам — сначала по Пушкинской, потом по улице Розы Люксембург, потом по улице Декабристов через бывший Царский мост и, наконец, поворачивали на улицу Чапаева, ту улицу, где жил Павел Петрович. Новый вечер — новый разговор. И каждый из них нужно было бы записывать.

Павел Петрович любил ходить пешком. За многие годы я даже не припомню случая, когда бы мы ехали в трамвае. А пешеходные наши маршруты кажутся такими недавними, как будто только вчера шли мы по желтым шуршащим листьям, или по первым весенним лужам, или по снежным сугробам.

Как он смеялся, выслушав какую-нибудь забавную историю! В глазах загорались озорные искорки, и тогда невольно представлялся сысертский мальчишка, который хохотал над рассказами Чехова или над острым словцом своего отца.

Павел Петрович любил шутку, любил веселых, простых людей, понимающих юмор. С ним можно было и пошутить и поговорить обо всем. Он был нашей «живой энциклопедией», можно было доверить ему самое сокровенное, поговорить о самом важном. Вот какой был наш председатель! Поэтому так ценили мы его дружбу, так любили бажовский дом и сад, тишину бажовского кабинета, а больше всего самого хозяина

В БАЖОВСКОМ ДОМЕ

Горячо любил Бажов свой родной Урал, его замечательную природу, горы, реки, леса... Он любил землю, ее запах, то сухой и горячий, то влажный и свежий после дождя.

Ему хотелось самому покопаться весной в земле и что-нибудь посадить. И он с удовольствием делал это. Однажды на встрече избирателей с Бажовым мне пришлось слышать от одной женщины, какую он выращивает необыкновенную капусту.

Что же касается сада, то весь он — дело рук Павла Петровича. Вместе с ребятами, всем своим дружным «колхозом» сходили как-то в лес и принесли оттуда березу и кусты рябины. Павел Петрович очень любил уральскую рябинушку. Недаром он считал лучшим временем года раннюю солнечную осень, которую в народе называют бабьим летом, когда рябина наряжается в свой праздничный алый наряд.

Сам, своими руками посадил он крошечным кустиком ту знаменитую липу, которая теперь такая большая и под которой довелось посидеть многим людям, бывавшим в бажовском саду.

Куда бы ни уезжал Павел Петрович, везде тосковал об Урале, торопился домой. «Нет лучше Урала! На Урале родился, на Урале и умирать стану!» — говорил он, когда кто-нибудь начинал переманивать его в Москву или в теплые южные края. А лучшим отдыхом он считал не лежание на морском берегу, а работу в своем милом уральском садике. «Вот такой отдых лучше всякого курорта»,— убежденно заверял он.

Не только весной или летом, но и осенью и зимой он находил себе дело, когда освобождался на часок от своей главной работы. Он с удовольствием убирал снег, пилил и колол дрова. Вполне понятно, что Павел Петрович передал любовь к труду своим детям — никто из них не стал белоручкой или неумехой.

Бажовский дом летом весь в зелени. Окна кабинета выходят прямо в сад. Пышно разрослись посаженные писателем яблони. Густая листва теперь закрывает окна. Невольно думается: сумрачно стало в кабинете без хозяина...

Возле окна рабочий стол — подарок к семидесятилетию от рабочих Химмаша. Но мало пришлось поработать за этим новым столом. Почти все было написано за старой любимой конторкой. Сидя за столом, Павел Петрович часто задумчиво смотрел в окно, в которое заглядывали ветки яблонь, и покуривал свою видавшую виды трубку.

Носил он дома простые рубашки или мягкую домашнюю куртку, зимой — валенки.

Иногда зимней морозной ночью, когда Павел Петрович работал, из сада на подоконник запрыгивала догадливая кошка и вежливо стучала лапкой в стекло. Хозяин вставал из-за стола и шел открывать дверь — пустить в дом замерзшую гулену. Бажов очень любил животных. В одном из писем внуку Володе упоминается и любимый пес Ральф, и небольшая собачонка Слива, и корова Зона. Зону подарили писателю к 65-летнему юбилею тагильчане. Конечно, если бы теперь кому-нибудь вздумалось подарить в день юбилея такой рогатый, мычащий сувенир, то все бы смеялись три дня и три ночи. Но тогда, в трудном 1944 году, когда было так плохо с едой, корова была щедрым и уместным подарком. Привели ее в разгар праздника. Мы все, свердловские писатели, были у Бажовых и шумно праздновали день рождения Павла Петровича. Когда неожиданно появилась тагильская делегация со своим необычным подарком, мы очень обрадовались и выбежали во двор. Обнимали тагильчан, а заодно и удивленную Зону — ей на ее коровьем веку не приходилось еще встречать подобного приема. У Зоны было вкусное молоко, но самим хозяевам его доставалось не очень много. Молоко щедро раздавали писателям, соседским детям и многочисленным гостям.

Бажовский дом всегда отличался гостеприимством. Хлебосольные хозяева старались каждого угостить по принципу «что в печи, то и на стол мечи». Редко обедали одни, без гостей и родственников. Валентина Александровна — большая мастерица печь вкусные пышные пироги, а мастерство это, как она уверяла, перешло к ней от матери Павла Петровича — Августы Степановны. Даже в суровые военные годы, когда бывало и холодно и голодно, несмотря на усталость Павла Петровича, все равно в бажовский дом приходили люди и всегда встречали приветливый прием, доброе слово и

горячий чай. А кто не помнит знаменитых редечных пельменей, которыми угощала Валентина Александровна! Многие и сейчас с удовольствием едят это уральское кушанье, а тогда, в трудное военное время, такие пельмени казались просто лакомством. Гости только ахали и удивлялись: откуда?!

Валентина Александровна, смеясь, рассказывала, что нашла клад. Да, да, не удивляйтесь. Недаром, видно, прожила она столько лет рядом с уральским сказочником. Вот и сама нашла клад, даже не уходя в горы, не выходя из дома,— отыскала на чердаке. Это был небольшой мешок, а в мешке... Золото? Нет. Малахит? Тоже нет. Там была настоящая ржаная мука! В голодную пору такая находка была настоящим кладом. Все обрадовались так, что не находили даже слов. Оказывается, когда Бажовы уезжали из дома на целых девять лет и в доме жили чужие люди, они припрятали на чердаке на черный день мешок муки. Как сохранился этот клад, пролежав двадцать лет, сказать трудно, но факт остается фактом.

Конечно, мука была уже далеко не свежей, но кто же это тогда замечал. Вот и угощались гости пельменями. Редька была своя — выращивалась на огороде.

Гостями Бажовых были и Ольга Дмитриевна Форш, и Федор Васильевич Гладков, и Анна Александровна Караваева, и Мариэтта Сергеевна Шагинян, и Илья Иванович Садофьев, и Агния Львовна Барто, и Оксана Дмитриевна Иваненко, и Лев Абрамович Кассиль, и Алексей Александрович Сурков, и Константин Михайлович Симонов, и Борис Николаевич Полевой... Крепко сдружилась с Бажовыми Людмила Ивановна Скорино, первой написавшая книгу о Павле Петровиче. Старой дружбой был связан с бажовским домом Евгений Андреевич Пермяк.

Многие писатели сфотографировались с Бажовым, и снимки эти остались драгоценной памятью о встречах. Вот Павел Петрович сфотографирован с А. Серафимовичем, вот с К. Симоновым, вот с М. Шагинян, вот с С. Михалковым, а вот с нашим уральским писателем И. Ликстановым. Хорошо знают молодые читатели книги Ликстанова: «Приключения юнги», «Малышок», «Зелен-Камень»... А мы, знавшие его лично, видим, будто сейчас, как идет он к бажовскому дому своей быстрой энергичной походкой, как взбегает на крыльцо.

Известная поэтесса Людмила Константиновна Татьяничева появилась в доме Бажовых еще девочкой-школьницей. Она училась вместе с Алешей Бажовым. Людмила Константиновна вспоминает, как после уроков вваливались они в бажовский дом шумной ребячьей ватагой, как привечал их Павел Петрович — всегдашний друг молодежи.

Алексей Петрович Бондин частенько наезжал сюда из своего Тагила и, случалось, ночевал в бажовском саду. Павел Петрович любил этого талантливого рабочего-писателя, высоко ценил его книги, особенно книгу «Ольга Ермолаева», был первым редактором книги Бондина «Лога».

Ближе других по возрасту, по знанию Урала, по работе над историческими темами стоял К. В. Боголюбов. Много интересного вспоминает он о Павле Петровиче, начиная от первых встреч до последних лет его жизни. Б. С. Рябинин по приглашению Бажова сопровождал его в интереснейшей поездке в Полевское — на родину сказов.

О том, как любили Павла Петровича Бажова его товарищи-писатели, говорят и их многочисленные письма, в которых часто они доверяли Павлу Петровичу самое сокровенное, и дружеские, часто трогательные слова, которые оставляли писатели на своих книгах, даря их Бажову:

«Другу и учителю со словами любви. Д. Нагишкин».

«Обладателю волшебной «Малахитовой шкатулки» Ф. Гладков».

«Чудесному мастеру самоцветов народных сказов с солдатским приветом А. Сурков».

А вот еще один «солдатский» автограф:

«Бойцы вспоминают минувшие дни...»

«И радостней и незабвенней
От сердца к сердцу весть идет...»

Дорогому Павлу Петровичу с лучшим дружеским чувством

Илья Садофьев».

Почему «Бойцы вспоминают минувшие дни»?

А вспомните Камышлов, далекий 17-й год и солдата Илью, которого большевики послали с заданием к Ленину. Так это он? Да, этот солдат и есть поэт Илья Иванович Садофьев. Вот какая интересная история у этого автографа.

А как интересно было бы собрать автографы самого Бажова — то вдумчивые и мудрые, то теплые и дружеские, то шуточные и веселые.

Самые нежные надписи остались на книгах, которые писатель дарил своей жене.

Вот первая книга «Уральские были». Екатеринбург, 1924 год. «Моему неизменному товарищу в годы мира и борьбы, настоящему другу, дорогой жене — Валентине Александровне, о той полосе жизни, которую она не знала. Павел Бажов. 12.11.24 г.».

А вот «Малахитовая шкатулка», вышедшая в Москве в 1948 году. «Моему истинному другу, милой жене и первой помощнице в работе Валентине Александровне Бажовой этот первый экземпляр лучшего издания книги с уважением и любовью П. Бажов. 10. 3. 1949 г. Москва».

БОЛЬШИЕ ЗАБОТЫ

Звездная морозная ночь. Зима 1947 года. Мы снова идем вместе по заснеженным улицам, на этот раз втроем — Павла Петровича сопровождает Валентина Александровна. Мы возвращаемся не из Дома литературы, не из Союза писателей, а из небольшого деревянного клуба строительных рабочих, который помещается на улице 8 Марта. Клуб в этот вечер был наполнен до отказа. Здесь проходила встреча кандидата Бажова с избирателями, его избирали в городской Совет.

Я очень гордилась, что писатели поручили мне быть доверенным лицом кандидата Бажова. Хорошо говорили о нем люди:

— Много лет знаем мы Павла Петровича и прямо скажем: трудно найти более скромного и более отзывчивого человека. Депутат — это значит для нас очень много, это избранник народа, один из тех, кому можно доверить большую судьбу своей Родины. Наряду с лучшими мастерами высокосортных сталей, с мастерами машин и высоких урожаев изберем и лучшего мастера уральских сказов, вносящих живинку в каждое дело — Павла Петровича Бажова. Все мы отдадим за него свои голоса.

9 февраля 1947 года Бажова избрали депутатом

Свердловского городского Совета депутатов трудящихся. На год раньше, зимой 1946 года, избиратели Полевского и Северского заводов Красноуфимского избирательного округа избрали любимого писателя депутатом Верховного Совета СССР. Павел Петрович выезжал к своим избирателям. Очень любил он встречаться с молодежью. Он видел, с каким интересом слушали его ребята и девушки, когда он говорил об уральской старине, как блестели их глаза, и он сам молодел в эти минуты.

Горячо и взволнованно рассказывал он молодым о том, каким трудным путем шли к мастерству их деды, и звал молодежь, перед которой открыты теперь все дороги, вперед к вершинам мастерства, к умению находить живинку в любом деле, работать так, чтобы по праву звали уральскими умельцами.

Павел Петрович не умел работать плохо. Всю свою жизнь с особой честностью и добросовестностью выполнял он все порученные ему дела, а когда стал депутатом, избранником народа, когда к нему обращались тысячи людей, он, конечно, старался для каждого сделать все, что мог. И к нему ехали его избиратели из Полевского, Артинского, Сажинского, Манчажского районов, из Ревды и Бисерти, из многих городов и деревень. К депутату Бажову обращались по вопросу земельных участков, воды, электричества, по поводу больниц, школ, пенсий, квартир — всего просто не перечислить. И Павел Петрович терпеливо и настойчиво разбирался в каждом письме, в каждой жалобе, требовал точных ответов и принятия мер от всех, кого они касались. И тогда почта приносила депутату письма со словами благодарности:

«Дорогой Павел Петрович! Нет слов благодарить Вас за то внимание, которое Вы оказали мне...»

Недаром 12 марта 1950 года Бажов был снова избран депутатом Верховного Совета СССР от того же избирательного округа.

В облисполкоме была особая комната, где депутат Бажов принимал своих избирателей. Прием должен был проводиться до трех часов, но Павел Петрович часто возвращался только вечером. Нередко избиратели шли прямо домой к депутату. И дверь бажовского дома была открыта для всех.

Бажов стал знаменитым писателем, которого знали не только по всей нашей стране, но и далеко за ее преде-

лами. Он был награжден орденом Ленина, был лауреатом Государственной премии и депутатом Верховного Совета, был окружен почетом и всеобщим уважением и в то же время оставался все тем же простым и скромным человеком. Даже машиной он пользовался довольно редко, предпочитая по-прежнему ходить пешком, пока позволяло здоровье. Сохранил он и еще одну черту — необыкновенную дисциплинированность и аккуратность во всем — в переписке, встречах, делах. Нет, не изменился наш Павел Петрович, когда пришла к нему слава.

Понятно, что к такому депутату люди шли в любое время с самыми разными делами и нуждами. И, как всегда, на первое место Павел Петрович ставил заботу о детях: все дела, связанные со школами, с детскими садиками, Домами пионеров, он старался устроить в первую очередь. Павел Петрович вникал в ребячьи нужды, даже когда они другим казались незначительными. Обратился, например, однажды к Бажову директор Полевского Дома пионеров. Нужно сказать, что и вопрос-то был несложный, а вышло так, что разрешить его никак не могли. Речь шла о простом мулине для вышивания, которое нужно было ребятам до зарезу для подготовки к празднику. И вот Павел Петрович наряду с большими серьезными делами занимается этим самым мулине, причем не один раз пришлось ему вмешаться, прежде чем ребята получили то, что им нужно.

Однажды Павлу Петровичу написала о своем горе девочка Рита. У нее умерла мама. На руках осталось трое малышей и старая бабушка. Обо всем этом лучше всего рассказывает письмо самой Риты:

«Родной наш Павел Петрович!

Я обращаюсь к Вам за помощью, прошу Вашего содействия — у нас папа уехал на фронт в 1941 году и был ранен в обе ноги и взят в плен. После окончания войны он не вернулся. Мы живем в городе Полевском. Семья нас пять человек. Мне 13 лет, Кларе 8 лет, Эдику 6 лет, Стасику 5 лет и бабушке 67 лет. Мама у нас умерла в 1946 году от туберкулеза. Я училась в пятом классе, в 46 году оставила учение, помогала бабушке ухаживать за больной мамой. Во время войны мы получали пособие, а сейчас нет. Положение у нас очень тяжелое.

Павел Петрович, помогите нам найти папу.

Маргарита».

Бажов сделал все возможное, чтобы помочь девочке.

Писатель К. В. Боголюбов, говоря о скромности Бажова, приводит в своих воспоминаниях интересный случай, который произошел с Павлом Петровичем на избирательном участке.

«...Как человек дисциплинированный, он явился одним из первых. Большинство присутствующих составляли дети и женщины-домохозяйки. Тема беседы заключалась в противопоставлении старому нового, разумеется, на уральском материале. Агитатор, молодой паренек, очень бойко рассказывал о новом, о наших достижениях, о росте промышленности Урала, но как только дошел до прошлого, начал спотыкаться. Заметив седую стариковскую бороду Павла Петровича, он ухватился за нее, как за спасительный якорь:

— Вот ты, дедушка, наверно, давно живешь на свете?

Павел Петрович улыбнулся.

— Подходяще.

— Ты, конечно, хорошо помнишь, как пришлось рабочему человеку при царизме?

— Ну, как не помнить!

— Так вот расскажи-ка нам, дедушка, как вам тогда жилось.

— Что же, это можно.

И «дедушка» начал рассказывать о том, как скитался отец его по заводам, как обсчитывали рабочих сысертские заправилы, как на спичечной фабрике у Белоносихи сгорали в несколько лет молодые, сильные люди, как погиб талантливый импровизатор по прозвищу Мякина. О многом страшном из прошлого Урала рассказывал «дедушка». Лилась и лилась увлекательная беседа. И по мере того как Павел Петрович говорил, у агитатора вытягивалось лицо, уж больно складно и ярко текла речь незнакомого старика...

— Кто это? — в смятении прошептал он на ухо ближайшему из присутствующих.

— Бажов Павел Петрович, писатель.

Кончилась беседа. Агитатор сконфуженно благодарил.

— Простите, не знал, что вы Бажов...

— Пустяки,— отвечал Павел Петрович.—История — мой хлеб».

Большую заботу проявлял депутат Бажов о семьях

погибших воинов-фронтовиков, о детях, оставшихся без отцов.

Нелегко было Павлу Петровичу при его ослабленном зрении читать пачки писем, отвечать на них, добиваться выполнения того, о чем его просили. Но Бажов гордился этой трудной работой и был настоящим народным депутатом. Энергично помогали ему в депутатской работе жена Валентина Александровна и младшая дочь Ариадна.

До предела были заполнены общественной работой последние годы Павла Петровича. Он был председателем областного Комитета сторонников мира, ездил в Москву на конференции, выступал на собраниях и в газетах. Он не хотел, чтобы дети снова оставались сиротами, чтобы родители теряли детей, чтобы враги убивали людей, топтали поля, взрывали города, жгли сады и леса. Против войны борются все лучшие люди земли. До последних дней своей жизни боролся за мир и счастье детей уральский писатель Бажов.

ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК

В столе писателя хранится пакет. В пакете кусочек красного шелка. При жизни Павел Петрович часто доставал его и с ласковой улыбкой смотрел на этот алый треугольник. На конверте надпись, тщательно выведенная детской рукой: «Почетному пионеру второго отряда 1-й железнодорожной школы Павлу Петровичу Бажову».

Однажды писатель, вернувшись с пионерского сбора, весело сказал жене Валентине Александровне:

— Вот и я, Валянушка, стал пионером!

Пионерский галстук... С волнением принял его Бажов. Большая честь — получить алый пионерский галстук. Этой чести удостаиваются только те, кто стал настоящим другом пионеров, кого полюбили они всем сердцем. Такого верного друга и видели ребята в писателе Бажове.

...Маленькая свердловская школьница Наташа Ш. тяжело заболела, и ее увезли в Москву. Девочка писала

стихи. Последнее, что успела она написать за свою короткую жизнь,— стихотворение, посвященное Павлу Петровичу Бажову:

На дворе пурга в окно стучится,
В комнате уютно и темно.
Мне сегодня что-то вдруг не спится.
Ночь уж на дворе стоит давно.
Начинает мама тихо сказы
О Хозяйке, что живет в горе.
Вижу я Данилушку — и сразу
Ящерки мелькнули на заре.
Вижу я, как девочка Татьяна
На шкатулку новую глядит,
Как горы Хозяйка Северьяна
Заковала в древний малахит...
И от этих сказов стало снова
На душе так чисто и светло...
В дальний домик дедушки Бажова
На Урал меня перенесло!

Много детских писем, адресованных писателю, приносила ежедневно почта. С самым заветным и сокровенным обращались к нему дети.

Вот перед нами запись, сделанная самим Павлом Петровичем Бажовым в парткоме строительства Краснокамска:

«Высовывается голова. Вернее, головенка. Внимательно всматривается в сторону секретаря парткома. Потом дверь на несколько секунд закрывается. Можно догадаться — мысли собрать, окончательно решить вопрос. Вновь открывается дверь, и на этот раз уже полностью. Входит в комнату девчурка лет одиннадцати-двенадцати. Сделав несколько быстрых шагов, девочка издали спрашивает:

— К вам можно?

Получив утвердительный кивок головы, девочка добавляет:

— Только мы делегацией, ничего? Маленькие у меня все... Можно их позвать?

Опять утвердительный кивок, и девчурка поспешно выходит из комнаты. Через минуту входит группа пионеров и октябрят. Их человек семь... Сидящий напротив мальчуган, застенчиво улыбаясь от огромности своих

планов, говорит: «Нам бы хоть маленькую будку форпоста, подлиннее и поуже, чтоб в одном конце сцену сделать!»

В записных книжках писателя сохранилось много таких записей о его встречах и разговорах с детьми.

Осень 1935 года. Тогдашний ответственный секретарь Свердловского отделения Союза советских писателей Иван Степанович Панов однажды сказал мне:

— Мы решили взять шефство над школой. Вам с Павлом Петровичем Бажовым поручается побывать предварительно в школе, договориться, как и что, узнать, в чем они нуждаются. В общем, вводим вас в шефскую комиссию.

Тут же мы договорились о дне встречи с Бажовым, с которым я тогда еще не была знакома.

Пришла я к назначенному часу, но оказалось, что Павел Петрович уже меня ждет. Позже я узнала, что он вообще отличается необычайной аккуратностью. Сколько раз потом приходилось заставать его в пустой комнате, пришедшего первым на какое-нибудь собрание.

Итак, наше знакомство началось с того, что мы вместе отправились в подшефную школу на углу улиц Декабристов и 8 Марта. (Здесь сейчас вырос огромный многоэтажный дом.) Это была небольшая начальная школа. Навстречу нам выбежали ребята. Павел Петрович разговаривал и шутил с ними. В учительской завязалась оживленная беседа о школьных делах. И сразу стало ясно, какой опытный и наблюдательный педагог Павел Петрович. Позже не раз приходилось убеждаться в этом.

Большой и неизменной любовью любил Павел Петрович детей. В доме Бажовых всегда звучал детский смех, раздавались веселые ребячьи голоса. Таким, и только таким, вспоминается этот дом. Сначала подрастали дети и племянники, потом и у детей и у племянников появлялись свои дети, и в доме стало еще многолюднее. Одно ребячье поколение сменялось другим. Кроме того, в доме ежедневно бывало великое множество чужих детей. Впрочем, слово «чужих» здесь не подходит: все дети, попадая в этот дом, становились своими. Когда эту беспокойную компанию усаживали за стол, получалось, как говорят, полное застолье.

Мне очень ярко вспоминается Павел Петрович именно в таком шумном окружении.

...Весна 1950 года. Первомай. Последний праздник, проведенный вместе. День выдался чудесный, совсем летний. В открытые окна врывается из сада запах свежей листвы. В доме гости и, как всегда, множество детей. Веселой стайкой носятся они по всему дому, напоминая озорных воробьишек. Хозяин был особенно оживленным, шутил, смеялся: он вполне доволен своими шумными гостями. Да что говорить о праздниках, когда Павел Петрович утверждал, что ему при детях и работается лучше! Съедутся, бывало, все дочери с внуками, в доме дым коромыслом — шум, беготня, ни о какой работе, кажется, и речи не может быть, а Павел Петрович довольнешенек — давно, говорит, так хорошо не работалось.

С особой нежностью вспоминает дедушку Бажова его старший внук Володя. Когда умер дедушка, Володе было уже тринадцать лет, и он отлично его помнит.

Однажды ребята пригласили Володю во Дворец пионеров и попросили рассказать о дедушке. Вот что рассказал Володя:

«Каким я помню дедушку? Он был среднего роста, с белой красивой бородой и живыми добрыми глазами, в которых, казалось, никогда не угасал задорный огонек. Был он всегда очень просто одет. В руке неизменная трубка. Он покорял ребят своей простотой. Разговаривал он с ними солидно, не спеша, словно перед ним были равные ему собеседники. Умел терпеливо выслушивать ребят, считался с их мнением: «А как ты думаешь?» или «А как бы ты поступил?», «А как бы ты посоветовал?» Спросит он, бывало, и взглянет в глаза, да так, что сразу все, что на душе есть, увидит.

Я отчетливо помню летний день 1947 года, когда дедушка выезжал в творческую командировку в Сысерть. Он взял с собой и меня на Тальков Камень. На всю жизнь запомнилась мне сказочная красота Талькова Камня и горного озера. Может быть, эта поездка сыграла большую роль в моей дальнейшей судьбе. По окончании техникума в Туле я приехал работать на Урал.

Павел Петрович много работал: обычно дневные часы уходили у него на общественную работу и депутатские дела, поэтому работать над сказами ему приходилось ночью, когда ничто его не отвлекало, и тогда до

рассвета в его окне горел огонек. Большинство сказов Павел Петрович написал за своей старой конторкой, простой бамбуковой ручкой, из простенькой чернильницы.

Вечерами дедушка любил работать во дворе и в огороде, а когда наступали сумерки, помню его сидящим в саду с трубкой. Он долго о чем-то думал.

Дедушка очень любил театр. При всей своей занятости он находил время, чтобы сходить со мной в театр. Помню, с какой радостью шагал я вместе с дедушкой и бабушкой в Свердловский театр юного зрителя. Бывали мы позже и в Московском кукольном театре. Мы видели там «Золотой Волос» и «Синюшкин колодец», созданные по сказам Бажова. После представления дедушка встречался с артистами и долго с ними беседовал.

Дедушка прививал нам любовь к книгам. Когда он ездил в Москву на сессию Верховного Совета, он обязательно привозил новые книги.

Дедушка был чутким и внимательным не только к взрослым людям, но и к детям. Мне запомнился такой случай. Однажды я нашел небольшой медный шарик. Мне самому шарик очень понравился. И тогда я решил подарить его дедушке. Я пришел в кабинет и вручил ему свой подарок. Дедушка отнесся к этому очень серьезно. Он поблагодарил меня, бережно положил шарик в свой рабочий стол и обещал хранить подарок. Дедушка выполнил свое обещание — этот шарик до сих пор хранится в его столе.

Вспоминается мне и день, когда дедушку пригласили в гости ребята нашей 65-й школы. Допоздна затянулась эта встреча. Потом ребята, шумные и довольные, провожали нас домой большой гурьбой. Был зимний вечер, выпал глубокий снег, было темно, и дедушке трудно было идти. Ребята заботливо поддерживали его под руку, старались помочь, особенно когда встречались сугробы, бежали вперед, показывая дорогу.

В 1946 году мы с мамой уехали в Тулу. Но и тогда дедушка оставался в курсе всех моих ребячьих дел. В своих письмах он интересовался, как я учусь, давал мне очень нужные советы. И в то же время его слова не были нравоучением взрослого младшему, в них была искренняя теплота и забота настоящего друга и учителя.

Вот таким помнится мне мой дедушка».

Большие, интересные письма писал Павел Петрович внуку Володе.

«Милый Вовик!

Письмо твое получили. Хорошо, что у вас переложили печь и стало тепло, еще лучше, что перестал болеть гриппом, приятно, что растет передний зуб. Все это хорошо, но ты забыл написать, как у тебя дела с таблицей умножения. Ее ведь все-таки надо одолеть и незачем откладывать на будущий год. Выучить ее так, чтоб от зубов отскакивала,— и на всю жизнь спокойно».

В другом письме к Володе Павел Петрович снова возвращается к этой теме:

«...Не забудь написать и о таблице умножения. Она ведь в твои годы самая главная крепость, которую нужно взять. По порядку ты ее знаешь, теперь надо одолеть вразбивку.

Когда я был учителем, то заметил, что больше всего путаются в таких местах таблицы:

$3\times9=27$	и	$4\times7=28$
$6\times8=48$	и	$7\times7=49$
$6\times9=54$	и	$7\times8=56$

С трудом тоже одолевают $6\times7=42$ и $7\times9=63$.

Советую тебе написать все это большими цифрами на бумажке, чтоб всегда было перед глазами, пока окончательно не выучишь таблицу. Пишешь для своего возраста чистенько, читаешь хуже. Надо и в этом не отставать от других, а для этого следует читать каждый день хоть понемножку.

У нас в доме все здоровы. Вместо мальчика Валерика теперь с тетей Анютой живет девочка Тома.

Во дворе тоже по-старому. Петух орет, куры кудахчут, Зона бока на солнышке греет, Ральф скачет. Даже Слива перед весной веселее бродит.

Ну, будь здоров, пиши поскорее ответ.

Твой дедушка».

Павел Петрович всегда подчеркивал, какое большое значение для человека имеют прочные знания.

Обращаясь к ребятам по радио, он говорил:

«Образование помогает нам на всех участках работы, делает нас сильнее. Вот эту сторону дела вы и должны усвоить в первую очередь... Чем основательней вы будете

учиться, тем сильнее станете в любой работе, какую придется делать в жизни».

Бережно хранят нижнесергинские пионеры письмо Павла Петровича, заканчивающееся следующими словами:

«...Желаю вам успехов, и прежде всего, конечно, в учебе. Что ни говори, а для людей вашего возраста самое важное — «учиться, учиться и учиться». Эти слова Владимира Ильича Ленина нельзя забывать ни на один миг, и надо, чтоб это было видно в табелях. Будьте здоровы, веселы и по-хорошему готовьтесь к жизни.

П. Бажов».

Несмотря на огромную занятость, Павел Петрович всегда был в кругу ребячьих дел и интересов.

«Милые ребята, — пишет он нижнесергинским пионерам, — *получил ваше письмо и очень порадовался, что ваша дружина хорошо помогла взрослым в их большой и важной работе по агитации за нерушимый блок коммунистов и беспартийных.*

...Мне очень приятно было узнать, что вы ознакомились с уральскими сказами. Но это дело, мне кажется, надо и можно увеличить собиранием таких же сказов и преданий по своему району.

У вас в районе, например, есть гора Шелом. Знаете, наверно? А спрашивали ли, почему она так называется? Какие предания и рассказы связаны с этой горой? Разве не интересно все это собрать, записать? Или вот береговые скалы в верховьях речки Серги. Они, наверно, тоже имеют интересные названия, и с каждой, может быть, связан какой-нибудь рассказ. Обо всем этом надо расспрашивать стариков. Не смущайтесь тем, что ответы могут получиться разные и не всегда похожие на рассказ. Так часто бывает. Надо записывать все, что говорят, а потом уж само собой произойдет отбор. Вот когда накопите таких рассказов о старине Сергинского района побольше, тогда к вам и приеду, чтоб помочь разобраться в собранном материале».

Выступая как-то по радио, Павел Петрович говорил ребятам:

«Милые мои радиослушатели!

Некоторые из вас, наверно, слыхали, что дедушка Бажов сказы пишет. Знаете и эти сказы. Кто читал, кто

слыхал по радио, а кто и видел в кинокартине «Каменный цветок». Не думайте только, что все собрано. Нет, это лишь небольшое начало. Таких сказов по нашему краю можно собрать в десятки, а может быть, и в сотни раз больше. И делать это не очень трудно, но требуется большое терпение, и надо не скупиться на выбрасывание того, что собрано.

Тут видите, что может получиться. Вот, например, заинтересовались вы, почему одна из близких к Свердловску гор называется Хрустальной. Спросили у одного — «Не знаю», спросили у другого — «Не знаю», у третьего — «Не знаю», четвертый коротенько скажет: «Хрусталь тут добывают». Но ведь этого мало. Это не сказ. Сказ начинается там, где появится какая-нибудь выдумка, похожая на живое. Но ведь выдумка бывает разная: одна занимательная, другая — нет. Записывать же все-таки надо и самую неинтересную, потому что она может подсказать рассказчику то, о чем он забыл. Поэтому, если кто-нибудь на ваш вопрос о Хрустальной горе ответит, что там сундуки зарыты, это обязательно надо записать. И если этот рассказчик не сумеет ответить, то надо других спросить, что за сундуки, кем зарыты, кто и как их охраняет, можно ли их достать. На эти вопросы тоже будут разные ответы, в них непременно встретится многое, что тоже потребует разъяснения. Так вот, ниточка за ниточкой, и начнет разматываться интересный клубок сказа.

Конечно, надо заранее подумать и о том, у кого спрашивать. Не просто у старых людей, которые давно тут живут, а у тех из старожилов, которым приходилось работать на Хрустальной.

Так и во всех других случаях. И можно с уверенностью сказать, что таким способом можно найти много интереснейших новых сказов об Урале и его богатствах».

Аккуратность Павла Петровича относится и к его переписке. Он старался не оставить без ответа ни одного письма.

Весной 1950 года ребята восьмой школы Свердловска обратились к Павлу Петровичу:

«Любимый Павел Петрович!

Мы, ученики 3 класса школы № 8, читали и изучали Ваши сказы. Они нам очень понравились, и мы решили

19 марта в воскресенье провести конференцию по Вашим произведениям.

Просим Вас послушать наши выступления и указать наши ошибки. Начало конференции в 11 часов дня. Школа находится по улице Куйбышева, 111. Трамвай кольцевой или 3-й, остановка Куйбышева, по направлению к Шарташскому базару».

Дальше следуют подписи председателя отряда и звеньевых. Павел Петрович в это время был болен, принять приглашение он не мог и послал председателю отряда Светлане Ермак такую телеграмму:

«Прошу передать отряду большую благодарность за внимание к моему творчеству. Очень жаль, что болезнь не дает мне возможности принять участие в вашей конференции. П. Бажов».

Множество своих книг Павел Петрович рассылал в дальние и ближние школы. Попросят, бывало, ребята сказы — и летит куда-нибудь в таежную школу «Огневушка-Поскакушка» или «Серебряное Копытце», а то и вся книга «Малахитовая шкатулка». Пишут, например, девочки из Златоуста:

«Узнав, что Вы написали книгу «Зеленая кобылка», мы захотели ее прочитать. Но ни в библиотеке, ни в магазинах ее нет.

Мы обращаемся к Вам с большой просьбой: если можно, то пришлите нам, пожалуйста, Вашу книгу «Зеленая кобылка».

«Вот, мои юные читательницы, — отвечает Павел Петрович, — *посылаю Вам свою книгу «Зеленая кобылка», о которой вы спрашивали. Думаю только, что вам она не подойдет, т. к. в ней рассказывается о жизни мальчиков в старое время. Поэтому условимся так: если вам не покажется интересным рассказ, передайте его какому-нибудь пионерскому отряду в школу мальчиков.*

И еще такой уговор. Всякий, кто прочитает книжку, должен мне ответить на вопрос: кто из трех мальчиков больше понравился и почему? На этом и конец уговору.

Желаю Вам как можно лучше учиться, чтоб потом полнее работать на славу нашей великой Родины».

Можно смело сказать, что «Малахитовая шкатулка» стала любимой книгой уральских ребят. Школьница Соня И., например, пишет:

С Данилой вместе ухожу я в гору
К Хозяйке, посмотреть ее цветок.
Хочу взглянуть я на цветок, в котором
Огнем сияет каждый лепесток.
В который раз, склонясь над этой книжкой,
Я впитываю мудрость этих слов.
Мне не забыть рассказов деда Слышко...
Спасибо, добрый дедушка Бажов!

А вот одно из писем на радио:

«Дорогая редакция! Я живу в городе Свердловске. Учусь в 4-м классе. Мне 13 лет. Мне хочется послушать сказ Бажова «Про Великого Полоза» и про его дочку «Золотой Волос». Сестра меня очень просит, чтобы я написал вам. Ей очень нравятся эти сказы, а сама она писать не умеет. Ей пять лет. Ее зовут Аня. Прошу Вас, если вам не трудно, исполните нашу просьбу».

Свердловские школьники хорошо знали Бажова. Они радостно здоровались с ним на улицах, и он приветливо отвечал им. Его приглашали в школы, детские дома, на пионерские сборы и костры. Павел Петрович старался никогда не отказывать детям.

Особенно памятны встречи во Дворце пионеров. Павел Петрович вместе с режиссером-постановщиком Л. К. Диковским работал над инсценировкой «Малахитовой шкатулки».

Он вспоминал, как трепетно ждали ребята решения жюри, обсуждавшего их работу:

«Было уже два часа ночи, когда члены жюри стали расходиться. В слабоосвещенном и совершенно пустом коридоре Дворца пионеров показалась какая-то фигура. На вопрос «кто это?» отозвался один из юных исполнителей. На укоризненное замечание «ты здесь зачем?» он легко ответил:

— Так я же не один. Все наши ребята здесь.

И сейчас же из дальней комнаты вылетела и стремительно подбежала группа юношей и девушек.

Действительно, все оказались налицо без различия на ведущих и неведущих.

...Нет в живых любимого уральского сказочника, нет и многих участников первого спектакля... Не вернулся с фронта талантливый исполнитель роли Турчанинова Юра Ярков, геройски погиб танкист Юрий Бельтиков, игравший Степана, в кавалерийском рейде по

тылам противника погиб Ким Ефремов... Но «Малахитовая шкатулка», поставленная на сцене пионерского Дворца с легкой руки самого автора, продолжает жить. Спектакль выпускается снова в победном 1945 году, затем в 1953-м, уже после смерти писателя. Три поколения юных артистов с волнением работали над знакомыми образами...

«Медной горы Хозяйка приглашает тебя на елку».

Многие до сих пор бережно хранят такие пригласительные билеты.

...Входят ребята во Дворец и вдруг попадают в сказочное царство Хозяйки Медной горы, где все горит и сверкает яркими огнями.

Павел Петрович любил эти затейные елки и ежегодно бывал на них.

Целые альбомы рисунков присылали дети Павлу Петровичу в юбилейные дни. Вот тщательно оформленный альбом воспитанников Нижнеисетского детского дома. На обороте каждого рисунка трогательная надпись: «Павлу Петровичу от ученика 3 класса Дюндина Коли», «Павлу Петровичу от воспитанника Н.-Исетского детского дома Васильева Виктора»...

А сколько писем-треугольников написано на вырванных из тетрадей листочках!

...Никогда не забудется этот пасмурный декабрьский день. Накануне мы получили телеграмму о смерти Павла Петровича... Было очень трудно поверить в это...

Тяжко было войти в знакомый дом на улице Чапаева. Беспрерывно звонил телефон. Десятки людей, знакомых и незнакомых, спрашивали об одном...

А к дому подходили дети. Было холодно. Мела поземка. А они молча стояли у крыльца и ждали. Едва кто-нибудь выходил из дома, дети бросались к нему и взволнованно спрашивали:

— Это правда, что умер Павел Петрович?

— А нас к нему пустят?

— А цветы принести можно?

Когда же наступила весна и солнечные лучи проникли в тенистый бажовский сад, сюда снова пришли дети. Они пришли, чтобы унести какой-нибудь маленький кустик, отводок, пересадить его в свой школьный сад, бережно растить и холить на память о писателе.

ПЕСНЯ ЕГО ОСТАНЕТСЯ

Прекрасно наследство Бажова — добрая память о нем и сказы, которые живут и еще долго будут жить. Живут и работают люди, которых учил Павел Петрович, выводил в жизнь, давал мудрые советы.

Шелестят живые страницы бажовских книг. Книги его печатались и печатаются миллионными тиражами.

Многие художники работали над оформлением книг Бажова: А. Кудрин, О. Коровин, Ю. Иванов, М. Щировский, В. Васильев, Е. Гилева, В. Волович, В. Кузнецов, В. Белочкин и многие другие.

Невольно вспоминаются слова поэта Демьяна Бедного, который назвал «Малахитовую шкатулку» волшебной книгой: «Богатство содержания сказов, многообразие и красота образов поразительны. Сколько тут великолепной добычи для мастеров резца и кисти, для драмы, оперы и балета, а про кино и говорить не осталось».

Слышится музыка, волнующая, задушевная. Она то льется широкой русской рекой, то звенит стремительным горным ручьем. И встает перед слушателями Урал во всей его величественной красоте. Тема «Каменного цветка» увлекла и вдохновила многих композиторов. Композитор С. Прокофьев написал по сказу балет. Балет «Каменный цветок» написал и уральский композитор А. Фридлендер. Под таким же названием появляется опера К. Молчанова. Вышел фильм «Каменный цветок», который много лет не сходит с экрана. По повести «Зеленая кобылка» поставлен фильм «Тайна зеленого бора». Звучит музыка Б. Гибалина, посвященная Бажову, симфоническая поэма А. Муравлева «Азов-гора».

В Свердловском театре музыкальной комедии был поставлен спектакль «Марк Береговик». По мотивам сказа Бажова «Марков Камень» написали эту музыкальную комедию автор этих строк с драматургом Логиновской и композитором Кларой Кацман.

Инсценировки бажовских сказов шли в театрах кукол — в московском театре, в нашем свердловском и во многих других: «Голубая змейка», «Синюшкин колодец», «Сказы старого Урала»...

А пьесы для театра? Их целый сборник, написанных по сказам Бажова разными авторами.

Е. Пермяк написал пьесы «Ермаковы лебеди» и «Серебряное копытце». Вот «Малахитовая шкатулка», инсценированная С. Корольковым, «Полозова дочка», «Каменный цветок» и «Сказы старого Урала» К. Филипповой.

Сказочной красотой покоряет фонтан «Каменный цветок» на Выставке достижений народного хозяйства в Москве.

Оживают в молодых руках старые камни. Вот сувенир «Таюткино зеркальце», сделанный по мотивам сказа. В кусок коричневатой яшмы вставлено зеркало, а кругом кристаллы горного хрусталя. Перед ним фигура девочки. Она сделана из светлой яшмы. Хорошо поработали юные уральские камнерезы — ученики Свердловского художественного профессионально-технического училища. Это же правнуки мастера Данилы! Такие же юные уральские умельцы подарили когда-то Бажову свое произведение — скульптуру писателя. Эта работа стоит и сейчас в бажовском доме, и кто захочет, может ее посмотреть. Да не только ее, но и другие подарки и вещи писателя, и его рабочий стол, и книги, и фотографии.

Все осталось в бажовском доме так, как было при Павле Петровиче. Бережно хранила его жена Валентина Александровна все, связанное с его жизнью и творчеством. Двадцать лет работала она над архивом, кропотливо подбирала рукописи и письма, приводила в порядок огромную библиотеку. Работать было трудно — совсем сдавало зрение, но она упорно продолжала работу и принимала людей, которые шли и шли. Одни из них приходили, чтобы собрать материал для своих книг, статей, дипломных работ о Бажове, другие — чтобы просто посмотреть дом, где жил замечательный уральский писатель, поговорить с его женой и другом. Теперь нет уже на свете Валентины Александровны: она умерла в мае 1971 года...

А дом передала музею, который открылся в 1969 году, к девяностолетию писателя. Здесь представлены книги Бажова, его рукописи, фотографии, портреты, письма, личные вещи, подарки... Трудно отвести взор от изумительных изделий завода «Уральские самоцветы»: вот Каменный цветок из яшмы, вот другой — из

родонита, а вот Серебряное копытце. А какие красивые работы прислали сюда палехские мастера!

Дом на улице Чапаева, 11. Этот дом знают многие. Но кроме него музеи открылись в других городах и селах, в местах, где жил, работал или воевал Бажов. Прежде всего такие музеи были организованы на родине писателя — в Сысерти, в Полевском; в Сысерти капитально ремонтируется родительский дом Бажова, в котором прошло его детство. Много создано и школьных музеев: активно работают и юные уральцы, и ребята-сибиряки — бергульцы, школьники села Бергуль, и пионеры Северного — «бажата». В Бергуле живет еще несколько учеников Бажова, которые помнят его. Ребята советуются с ними, приглашают их в свои музеи, на пионерские сборы и вечера.

Но самым известным, конечно, остается дом на улице Чапаева. Сюда не только приходят свердловчане, сюда приезжают люди из самых разных мест. Стоит заглянуть в книгу записей, и, как говорят, глаза разбегаются: Москва и Ленинград, Тобольск и Харьков, Рига и Улан-Удэ, Ашхабад и Владивосток... Да разве всех перечислишь!

Многие оставляют здесь свои записи. Московский скульптор Н. А. Замятин пишет: «Большое спасибо жене и другу писателя за бережное отношение к наследству Павла Петровича».

«Я посетил дом прекрасного русского сказителя и нашел, что это прекрасная память о нем.

Пьеро Фобрер,
итальянский писатель».

А вот слова известного советского писателя Юрия Сергеевича Рытхэу: «С большим интересом познакомился с домом Павла Петровича Бажова — человека, черпавшего из самого чистого источника — народного творчества».

«От всей души благодарим за интересный рассказ о гордости седого Урала — Павле Петровиче Бажове»,— пишут Герой Советского Союза Пискунов и начальник Латвийского объединенного штаба игр «Зарница» и «Орленок» — Берзиньш.

«Я с детства зачитывалась сказами Бажова, но мало знала о жизни писателя,— говорит посетительница из Ярославля О. Ю. Пожарская.— Теперь, пройдя по всем небольшим залам этого милого музея, как будто

ближе познакомилась с самим Павлом Петровичем и захотелось еще больше узнать о нем и о его жизни».

Оставляют здесь свои записи студенты и школьники, воины, писатели, рабочие... Вот что пишет москвич, токарь ЗИЛа — завода имени Ленина:

«Мне очень понравился Свердловск, где жил и творил уральский сказочник Павел Петрович Бажов, этот большой друг детей, с которыми он никогда не разлучался. Дети любили его, и он в свою очередь отблагодарил их своими сказами. Так пусть не зарастет тропа к дому-музею Павла Петровича Бажова!»

Асбестовская школьница Лена Сонина в своем стихотворении «У памятника Бажову» как бы отвечает на эти слова:

...В синем звенящем уральском морозе,
Мудрую душу в морщинах храня,
Взгляд отведя от застывшей березы,
Павел Петрович глядит на меня.
Близкий, как дедушка, мудрый, как сказка,
Добрый, как песня, седой, как Урал...
Кажется, будто напрасно две даты
Кто-то на камне пред ним написал.
...Тихо... И я здесь невольно застыла,
Стрелки не вижу и время забыла...
Мысли тая о бессмертьи Бажова,
Вижу всегда его только живого...

Да, не меркнет с годами память о Бажове. Недаром таким большим всенародным праздником стало столетие со дня рождения писателя. Его юбилей торжественно отмечали в городах и селах, в огромных Дворцах культуры и сельских клубах, в театрах и школах — на Урале, на Алтае, в Сибири...

— Наш Бажов!— говорили алтайцы.

— Наш Бажов — он был нашим учителем!— говорили сибиряки.

— Наш Бажов! Он сын Урала,— говорили уральцы.

А праздник шел по стране, яркий, незабываемый, с бажовскими вечерами и выставками, с новыми книгами и фильмами о нем, с постановками его сказов.

Завершался он в столице нашей Родины Москве, в самом главном театре нашей страны — в Большом театре. Там, на торжественном заседании, посвященном

столетнему юбилею Бажова, были члены правительства, писатели, рабочие московских заводов, дочери и внуки писателя, его друзья... Присутствовала в зале и маленькая пионерская делегация из далекого Бергуля во главе с очень пожилым человеком — учеником Павла Петровича Егоровым.

Это здесь, под сводами Большого театра, прозвучали такие важные и памятные слова: «Слава великому русскому сказочнику, замечательному писателю земли Советской — Павлу Петровичу Бажову!»

...Проходят годы. Шелестят страницы бажовских книг. Звучит музыка бажовских сказов. Богатое наследство оставил Бажов. Песня его останется!

ВСЕГДА
С НАМИ

Под зимним солнцем серебрится
Полей заснеженный простор,
И плавок видятся зарницы,
И очертанья дальних гор...
И словно виден росный берег,
И лебедей высокий взлет...
Так долго не хотелось верить,
Что в дом хозяин не войдет.
...Буран свистел у окон где-то.
Крепчал мороз еще сильней.
Зимой, бывало, до рассвета
Горел огонь в его окне...
Всегда тропа вилась у входа,
Не зараставшая травой.
Он в светлой памяти народа
Останется всегда живой.
И будут были жить веками
В чудесном малахите строк,
И не поблекнет, не завянет
Волшебный Каменный цветок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Хоринская Е. Е.

X79 Наш Бажов: Повесть.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.— 112 с., 8 с. вкл.

20 коп.

Переиздание книги известной уральской писательницы.
На страницах оживает далекое прошлое Урала, обстановка, в которой рос и учился будущий уральский писатель. Показаны истоки его творчества, его революционных убеждений.
Для среднего школьного возраста.

X $\frac{70803-092}{М158(03)-82}$ 4803010102

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 902

Елена Евгеньевна Хоринская

НАШ
БАЖОВ

Редактор
С. В. Марченко

Художник
М. М. Кошелева

Художественный редактор
О. И. Журавлева

Технический редактор
Л. М. Голобокова

Корректор
И. Ш. Трушникова

Сдано в набор 29.06.81. Подписано в печать 15.02.82. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 6,9. Уч.-изд л. 6,3. Тираж 75 000. Заказ 309. Цена 20 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

20 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1982